

Марьина исповедь

Автор:

Владимир Тиссен

Марьина исповедь

Владимир Тиссен

Уважаемый Читатель, позволь себе с лёгкостью и наслаждением увлечься повестями и рассказами Владимира Тиссена. Если не знать, что автор – наш современник, то, читая, можно решить, что эта книга написана современником Куприна и Бунина, и даже является подлинными мемуарами реального лица. Талантливый рассказчик, автор мастерски, двумя-тремя словами, обрисовывает своих персонажей, и так метко, что они сразу оживают и запоминаются, даже если мелькнут в эпизоде. Отличается книга и обилием неожиданных и свежих диалогов, которые доставят удовольствие всем любителям литературы. Я бы назвала его виртуозом беседы. Все повести и рассказы написаны с необыкновенно тонким и добрым юмором, с любовью и вниманием к художественным деталям, которые естественно вытекают в замечательной правдивости характеров, чувств, действий, времени. А малоизвестные исторические факты, захватывающие сюжеты и забавные вымыслы затягивают с первых строк и не позволяют отложить книгу, не дочитав её до конца.

Владимир Тиссен

Марьина исповедь

Предисловие

Расхожий афоризм о том, что «талантливый человек талантлив во всём», конечно, отнюдь не всегда является справедливым. Однако, в отношении Владимира Тиссена он весьма близок к истине.

Моё знакомство с творчеством Владимира началось, как, вероятно, и для многих – с его песен. А точнее сказать, с его белогвардейской программы, приуроченной к 100-летию Белой Борьбы. Значительную часть её составляли песни на стихи замечательного современного поэта Николая Жданова-Луценко. Некоторые из них прежде исполняла Жанна Бичевская, другие были написаны специально для этого цикла. Образ офицера-корниловца, в котором выступал певец, прекрасные песни, стихи поэтов-белогвардейцев – всё это лучшим образом передавало самый дух Белого Движения, воскрешая для ищущих украденную у них память потомков образ и правду Русской Вандеи.

Надо сказать, что Тиссен не только исполнитель, артист, но и автор музыки многих своих песен, а также поэт. Сочетание довольно распространённое в данном жанре. Но, вот, другая грань таланта Владимира – явление куда более редкое. Грань эта – творчество прозаическое. Случается, когда человек, успешный в одном жанре, самоуверенно «покушается» на другой, попытка выходит не слишком удачной. Но не в случае Тиссена. Его первые повести и рассказы сразу обнаружили замечательный талант, вкус, умение легко и правдиво строить сюжет, мастерски обращаться со словом. Сюжеты Тиссена не «избиты», а сочинения его написаны простым, ясным, добротным русским языком без модных «вывертов», убивающих настоящую живую литературу в угоду стилистическим играм.

Значительная часть прозаического творчества Владимира посвящена Белой теме. Тут можно отметить рассказы «Брат», «Орден и брошь». В последнем автору удалось выразить человеческую судьбу и даже в каком-то смысле судьбу России через предметы, которые он наделил живой душой. Орден, как символ русского офицерства, брошь – неизменный аксессуар дам «унесённой ветром» эпохи. В «той стране, что могла быть раем» у этих предметов, как и у их хозяев была жизнь, в которой они служили и блистали. Но, вот, стали лишь экспонатами в коллекции, молчаливо хранящими память о великом прошлом. И в эту память сумел проникнуть Владимир Тиссен, услышать мысли Ордена и Броши и дать им голос, донести их до нас...

Тема гражданской войны проходит и через повесть, давшую название книге – «Марьину исповедь». В мистическом её содержании слышится что-то

гоголевское. Проклятые сапоги, становящиеся соблазном и губящие соблазвившихся. В «Марьиной исповеди» есть и война, и революция, и звероподобные чекисты, но не о войне и не о революции эта вещь. Она о более вечном – о грехе и расплате за него. О том, что обретенное не благом, но злом, предательством, ложью, никогда не принесёт счастья обретшему, но потребует долг с великим процентом. Кровь призовет кровь. А процентом за несправедливо нажитое станет собственная жизнь. В сущности, таким соблазном оказалась в 17-м году охвачена большая часть нашего народа. «Грабь награбленное», «Отобрать и поделить» – так назывался этот соблазн. И грабили, и отбирали, и делили, и радовались несправедливому добру, не сознавая до поры, что добытое преступлением и неправдой добро неизбежно обратится злом и потребует расплаты. Этот закон, к примеру, суждено было понять русским крестьянам, некогда «поживившимся» от барских усадеб, когда их пришли раскулачивать банды голытьбы и тунеядцев... Проклятые сапоги тиссеновской повести сгорели, и так был уничтожен корень проклятья, в дым ушло оно само. Корень проклятия нашего, к сожалению, куда более ветвист и крепок, и ещё долго-долго выкорчевывать нам его – из отравленных соблазном лёгкой наживы душ.

Особое место в «белогвардейском строю» сочинений Тиссена занимает повесть «Пирог с вишней». Если не знать, что автор – наш современник, то, читая её, можно решить, что написана она современником событий и даже является подлинными литературными мемуарами реального лица. Лицо, то есть главный герой повести, впрочем, существовал в действительности, но воспоминаний по себе не оставил. Сохранились лишь отдельные факты биографии, на основании которых писателю удалось воссоздать целую жизнь, и не одного только человека, но всей его семьи, его близких, и самой эпохи. Перед читателем проходит переплетённая с судьбой России судьба героя. Безоблачное счастливое детство в предвоенной Империи, вступившей в лучшую, благословенную пору своего существования, в эру благоденствия, о которой с той поры остаётся нам лишь грезить. Первая мировая война, фронтовые будни, героизм русских офицеров и солдат. Революция... Разорение Дома. И дома героя, разграбленного соблазненными правом на бесчестье мужиками, и большого Дома – Великой России. Белая Борьба... Ледяной поход... Русский исход и горечь изгнания... И во всём этом аду единственное, что помогает выжить – любовь и память. Любовь к невесте, с которой судьба раз за разом разводит, но не лишает надежды на встречу, любовь к родителям, которых уже нет на свете, но чьё тепло, ласка, чьи заветы всегда остаются спасительной опорой сокрушаемой бурями душе, любовь к Родине, поруганной, но вечной... В небольшой по объёму повести Тиссена есть, пожалуй, всё. Она являет собой прекрасное, филигранно выписанное полотно, в котором нет ни одной лишней или небрежной детали, в

котором всё живо, каждый образ – правдив и ярок. Сколь прекрасны образы отца и матери главного героя, его невесты – сестры милосердия, и её отца – военного врача, дочери Корнилова, Натальи Лавровны и... старика-слуги. Этот, последний, запоминается особенно. В нём слышится что-то и от пушкинского Савельича, и от чеховского Фирса. Верный старый слуга, хранитель семьи и Дома. Он и уходит вместе с разграбленным Домом. Не сумев защитить его... Израненный, оставшийся один, он не желает никого тревожить даже в свой смертный час, сам ложится в заготовленный гроб и отдаёт праведную душу Богу. Если в главном герое повести отразился образ русского служилого дворянства, офицерства, то в образе старика-слуги – образ самого русского народа, того народа, который ещё не успел стать толпой или бандой, народа Святой Руси. В повести Тиссена много символичного, но символизм этот не нарочит, не придуман, он естественно вытекает из самой жизни, данной автором в замечательной правдивости характеров, чувств, действий, времени.

Повесть «Пирог с вишней», ностальгическая, сочетающая в себе почти мемуарную историчность и тонкий, поэтический лиризм могла бы стать прекрасной основой для полнометражного художественного фильма. Но... для достойного воплощения на экране этой вещи требуется режиссёр с безупречным вкусом, способный понять её атмосферу и не разрушить оную, обратив живописное полотно глянцевым комиксом. Хотелось бы пожелать, чтобы в нашем кинематографе появились и получили возможность творить люди, действительно способные к такому искусству.

А Владимиру Тиссену в свою очередь хочется пожелать не останавливаться на прекрасном дебюте, но работать и далее в пока ещё новом для него жанре, в котором талант его проявился ничуть не менее ярко, чем в жанре песенном, артистическом.

Елена Семёнова.

Мэтти

Чем старше мы становимся, тем чаще вспоминается то безрассудство молодости, которое мы осуждаем в наших детях и внуках. История, которую я хочу рассказать, случилась со мной сорок пять лет назад в далёком 1905-м году. И даже по истечении такого долгого срока я не вправе изложить все факты, дабы, с одной стороны, не запятнать честного имени выдающегося дипломата, а с другой – не вызвать гнева моих наследников. Поэтому ни своего имени, ни фамилии, ни каких-либо отличительных черт моего характера или внешности я выдавать не буду. Скажу только, что на тот момент мне исполнилось двадцать четыре года и что принадлежу я к старинному дворянскому роду и имею титул князя. Звать себя буду князь Н. и сразу предупреждаю всех архивных червей, которые роются в историческом навозе, что буква «Н» не является начальной ни в моём имени, ни в фамилии, а есть первая буква ласкательного прозвища, которым называла меня одна юная особа.

Мой путь до Баден-Бадена

Генеалогическому древу нашего рода недавно исполнилось 350 лет, один из моих прапрадедов был даже думским боярином. За эти годы было всё: и милость, и опала, но все мои предки верой и правдой служили своему отечеству, и мой отец не был исключением. Чиновник высокого ранга, преданный монархическим идеям, он служил в департаменте иностранных дел. Женился в довольно преклонном возрасте на моей маме. Она была на 26 лет моложе его и принадлежала к одному из московских дворянских родов. Брак этот был первым, и я, как единственный ребёнок, со стороны мамы был всячески избалован, а со стороны отца неустанно подвергался воспитательному процессу, но родители любили меня, хотя каждый по-своему.

Я никогда не мог назвать моего отца папёнкой, как это было в других семьях, он для меня был всегда отцом, примером высокой порядочности, воспитанности и чести. Когда в 12 лет я впервые под одеялом прочел «Анну Каренину», то больше всего мне было жаль Алексея Каренина, и я сильно переживал, что мама найдёт себе какого-нибудь Вронского. Она была очень красива, и только теперь я с уверенностью могу сказать, что мама всю свою жизнь любила только моего отца. Были моменты, когда отец позволял себе немного расслабиться и рассказывал нам за вечерним чаем, как он со своими друзьями без копейки денег пересёк всю Францию с севера на юг или как они строили всё лето корабль и мечтали выйти на нём в открытое море, а значит, он тоже был

романтиком и в нём тоже было безрассудство. Умер он рано, мне только исполнилось восемнадцать. Мой отец навсегда остался для меня примером для подражания. Он умел жить правильно, не поддаваясь соблазнам. Я благодарен ему за хорошее аристократическое воспитание и за фамильное состояние, которое он сумел сохранить и приумножить. Впрочем, в то время финансовые вопросы меня не интересовали, всеми делами занималась мама, а я позволял себе растворяться в литературных вечерах, музыкальных салонах и театральных премьерах. По окончании университета, когда мне уже исполнилось двадцать три года, меня обуяла жажда свободы. Хотелось перемен. Чтобы уйти из-под маменькиного надзора, я решил поехать за границу, под предлогом получить наглядную картину европейской действительности, что в дальнейшем могло бы способствовать моему служению в дипломатическом корпусе.

Наметив маршрут путешествия, в предвкушении предстоящих ярких впечатлений, я отправился в путь и в ноябре 1904-го года прибыл в Богемию, в Карловы Вары. Затем был баварский Мюнхен и Зальцбург Моцарта, сказочные замки Габсбургов и рождественский Цюрих. В каждом городе я останавливался не более чем на две-три недели. Регулярно писал отчёты маме, в которых рассказывал о красотах старой Европы и обо всём том, что казалось мне необычным для русского глаза. По прибытии в Констанц на Боденском озере я пересмотрел свой дальнейший путь в направлении дома, решив напоследок заглянуть в Баден-Баден.

В этот город я прибыл в конце января и был приятно удивлён той атмосферой, которая в нём царилла. Сразу встретил компанию молодых людей, с некоторыми из них я был знаком ещё в России. Они пригласили меня на концерт какой-то итальянской оперной дивы, имя которой я уже не помню, завязалась настоящая дружба. После завтрака мы ездили верхом, потом шумно обедали, гуляли по городу, а вечером посещали концерты или попросту играли в карты. Мягкий климат тех мест сильно отличался от наших суровых зим, поэтому можно было много времени проводить на свежем воздухе. Русская речь была повсюду: на улицах, в ресторанах, в казино. Баден-Баден того времени можно было назвать попросту русским. Намеченные три недели пролетели быстро, и я решил не спешить с отъездом, оплатив проживание ещё на месяц вперёд.

В середине февраля город облетела новость, что приехал Сергей Рахманинов. Нашлись несколько предприимчивых людей, которые предложили ему организовать четыре концерта в небольших залах. Он любезно согласился сыграть свой новый, второй фортепианный концерт. Афиш не понадобилось,

билеты были проданы мгновенно. Один из концертов проходил в зале гостиницы «Zum Goldenen Hirsch», в которой я в то время проживал, и по настоянию руководства гостиницы билеты сначала предлагались его постояльцам, а потом уже гостям с улицы. Я сразу взял восемь билетов на всю нашу шумную компанию.

Матильда

Концертный зал нашей гостиницы вмещал не более ста человек. Сидя на краю ряда, я постоянно оборачивался, обсуждая с товарищами что-то злободневное. И тут вошла она, обворожительная незнакомка, ангел, сошедший с небес. Сказать, что она была красива, это значит не сказать ничего, она была само совершенство, заставившее замолчать всё вокруг. Слышалось только шуршание шелков её зелёного вечернего платья. Пройдя мимо нас, она села впереди, чуть правее, так, что я мог видеть её очаровательный профиль. Она проплыла по залу какие-то двадцать шагов, но мелодия движений, изящество жестов так ошеломили меня, что я влюбился в это божественное творение с первого взгляда.

Не произнеся ни слова, я кивнул своему соседу, указав глазами на незнакомку. Он, посмотрев на неё, шепотом произнёс: «Это Матильда, она содержанка. Жила с господином К., но он уехал и навряд ли вернётся. Так что она свободна, держайте, князь». Слова соседа сильно обидели меня. С одной стороны, как он мог мне предлагать такое, а с другой – так о ней отзываться? Я едва сдержал себя, чтоб не ответить ему грубостью. Да простит меня Рахманинов, играл он гениально, но всё великолепие звуков и аккордов перебивало одно лишь слово, звеневшее в моих ушах как колокол: «Содержанка». Не могла такая женщина быть содержанкой. Княгиней, графиней, королевой – да, содержанкой – никогда. Весь концерт я смотрел на неё, лишь изредка опуская глаза. Она заметила мой пристальный взгляд, сдержанно улыбнулась уголками губ. Впервые концерт длился для меня слишком долго, потому что желание заговорить с ней было безмерно велико, но это дало мне возможность успокоиться и снова управлять своими эмоциями.

По окончании концерта в фойе было сервировано шампанское. Незнакомка вышла из зала и подошла к гардеробу, собравшись уходить. Я взял два бокала и

подошёл к ней со спины.

– Извините, позвольте угостить Вас бокалом шампанского.

Она вполоборота повернулась, посмотрела на шампанское, потом на меня и в первый раз подарила мне свою обворожительную улыбку. Одобрительно кивнув, без слов приняла бокал.

– Разрешите представиться: князь Н., – мысли путались, не зная, с чего начать, я перешёл на банальности. – Как Вам концерт? Это Ваше первое знакомство с Рахманиновым?

Она пристально смотрела мне в глаза, в них было столько власти, что мне ничего не оставалось, как подчиниться ей.

– А Вы красавчик, князь, – сказала она с улыбкой, – простите меня великодушно, но я всегда говорю то, что думаю. По-другому не умею. Можно, я буду звать Вас Н.? Ах да, меня зовут Матильда.

– Очень красивое имя, мы все влюблены в нашу Матильду Кшесинскую, и если она жемчужина, то Вы, несомненно, алмаз. Я буду рад слышать из Ваших уст Н., но и мне позвольте звать Вас Мэтти.

Мы очень быстро нашли общий язык. На следующий день, гуляя по городу, я поймал себя на мысли, что знаю её как будто бы тысячу лет. Возвышенное чувство влюблённости, постоянный поиск различных предлогов, могущих продлить минуты свидания, несомненно, делали меня смешным в глазах Мэтти. Поздно вечером, при прощании, она подарила мне первый поцелуй.

Через неделю мы уже не представляли себе жизни друг без друга. Я снял хорошие апартаменты с прислугой, и Мэтти переехала ко мне при условии, что я никогда не буду интересоваться её прошлым. Эти два весенних месяца, месяца любви, пролетели как один миг. Мы наслаждались каждым днём, много гуляли и общались, она оказалась интересным собеседником, умеющим спорить и имеющим свою точку зрения. К тому же она была недурно воспитана. От друзей я узнал, что в Баден-Баден Мэтти приехала около двух лет назад с одним венгерским гусаром. Тот был человек азартный, за вечер промотал всё своё состояние и напоследок сделал ставку на Мэтти. Обладателем выигрыша стал

господин К., который, к счастью, мог не только брать, но и отдавать. Он нанял для молодой воспитанницы учителей, которые каждый день в течение четырёх часов делали из неё светскую даму, обучая манерам, искусствоведению и основам философии. Больше о Мэтти я не знал ничего, да мне и не нужно было.

По вечерам она садилась на тахту, у камина, сняв домашние туфли, спрятав ноги под юбку платья и, склонившись над романом или томиком стихов, читала, а может быть, только делала вид, что читала. Я же садился напротив в кресло и, теряясь в безмолвном пространстве, любовался её красотой. За всё это время она ни разу не поднимала глаз и ни разу не взглянула на меня. На протяжении всего нашего романа я часто задавал себе вопрос: «Любит ли она меня так, как люблю её я?» Любовь слепа, страх потерять любимого человека не оставляет времени задуматься над тем, как ты выглядишь в его глазах. Некоторые вещи, которые вчера ещё были табу, сегодня прощались с лёгкостью за одну улыбку, одно ласковое слово, за один поцелуй. Я был уверен, что она любит меня так же бескорыстно, и готовность положить весь мир к её ногам ждала только приказа. Сейчас, по истечении многих лет, я понимаю, что с её стороны были какие-то чувства, но всё же это была больше игра в любовь. Да, она отвечала мне взаимностью, но в этой взаимности не было страсти.

Хотя однажды страсть всё-таки была, и это была та страсть, которую в дальнейшем я не наблюдал никогда. Весна выдалась на редкость тёплой, и цветущий Баден-Баден стал для нас немного тесен и многолюден. В начале мая мы решили скрыться от множества глаз и уехали на несколько дней в Эльзасс, насладиться тишиной и красотой природы этих чудесных мест. В один из солнечных дней, после завтрака, мы вышли на прогулку. Гуляя по берегу реки, зашли очень далеко, времени до обеда было достаточно. И тут, в течение пяти минут, налетела туча, грянул гром и начался ливень. В поисках убежища мы помчались к стоявшему неподалёку сараю; добежав до него, мы уже успели промокнуть до нитки. К счастью, замка? не было. Я пропустил Мэтти и закрыл ворота изнутри. Это был обычный сеновал, там царила тишина, запах полевых трав и цветов, а через маленькое решетчатое оконце можно было видеть стену дождя и зигзаги молний.

– Я очень боюсь молнии, – сказала Мэтти, – обними меня.

Немного растерянно я обнял её, мокрую и дрожащую. Капельки воды упали с её шляпки мне на лицо. Мы смотрели друг другу в глаза, и она первой поцеловала меня. Та божественная страсть, которую обычно называют грехом, не имела

ничего общего с земными чувствами. Та близость, которая произошла между нами, стала для меня эталоном на всю оставшуюся жизнь. Очнулись мы, когда яркий луч солнца уже пробрался через оконце. Дождь закончился так же внезапно, как и начался?, опять запели птицы. Сложилось такое впечатление, как будто гроза специально пришла, чтоб загнать нас в этот сарай. Эта была только наша гроза и ничья другая. Ни до, ни после нам не было так хорошо, как на этом сеновале.

Два пути

Вернувшись в Баден-Баден, Мэтти заболела. Это было похоже на обычное отравление, и я предложил послать за врачом, но она наотрез отказалась: «Ничего страшного, денёк полежу, всё пройдёт». На следующий день самочувствие не улучшилось. Я всё же отправил за доктором. Низенький старичок с дежурным саквояжем пришёл незамедлительно. Он провёл в спальне около получаса; выйдя оттуда в приподнятом настроении, прошёл в ванную комнату, чтобы вымыть руки.

– Что-то серьёзное, доктор? – спросил я, подавая ему полотенце.

– Да, – ответил он, улыбаясь, – серьёзнее не бывает. Недель девять–десять, я думаю. Мой милый князь, я Вас поздравляю, скоро Вы станете отцом.

Эта новость ввела меня в ступор. Я ожидал чего угодно, но только не этого. Сам ещё ребёнок, вырвавшийся из маминых рук и не успевший до конца насладиться всеми вкусами и запахами свободы, я не представлял себя в роли отца. А реакцией мамы на эту новость мог быть и сердечный приступ. А если бы был жив отец, последствия были бы непредсказуемы. До обеда я так и не зашёл в спальню к Мэтти, а просидел в зале у окна, задавая себе один-единственный вопрос: «Что делать?»

К обеду она вышла в зелёном платье, в том, в котором я увидел её впервые на концерте Рахманинова. Бледность лица, немного растерянный взгляд выдавали безысходность сложившейся ситуации. Никто из нас не проронил ни слова. К супу Мэтти не притронулась, и только после смены блюд не спеша взяла столовые приборы.

– Может быть, ты мне объяснишь, – сказал я спокойно, – почему эту новость я узнаю от доктора, а не от тебя?

Она так же не спеша вернула приборы на место, опустив руки на колени. Выдержав короткую паузу, подняла глаза.

– Хорошо, – произнесла тихо, – наверное, пришло время всё объяснить. Мне девятнадцать лет. Через две недели исполнится двадцать, – она слегка улыбнулась предстоящему событию. – Единственная женщина, которая занималась моим воспитанием, была мама. Я её смутно помню. Она умерла, когда мне было шесть лет. Помню только, что она меня очень любила. Ты, наверное, ждёшь от меня каких-то дворянских грамот, титулов? Я дочь мельника, из маленькой польской провинции на границе с Австро-Венгрией. Извини за то, что разочаровала. С шести лет я уже должна была уметь убирать, стирать, готовить, следить за скотом. Ни гимназий, ни институтов я не кончала. Три класса деревенской школы, и то благодаря тому, что там преподавали «Закон божий». До семнадцати лет я не прочитала ни одного романа. В нашем доме была только религиозная литература, а там ничего не рассказывалось о беременности, и о том, как она протекает. Там говорилось только о беспорочном зачатии, поэтому я, как и ты, только сегодня узнала о том, что у нас будет ребёнок. – Она поправила себя. – У меня будет ребёнок.

Мой отец был строг, даже деспотичен. Фанатичный католик, который до сих пор верит в правоту инквизиции и готов жечь еретиков на кострах, уходя на работу, давал мне задания по дому и, открыв псалтырь, говорил, тыкая в него пальцем: «От сих до сих наизусть». Я целый день носилась по дому, стараясь выполнить все указания, и учила псалмы, а вечером он проверял и, если я хоть немного сбивалась, нещадно наказывал. Так продолжалось изо дня в день. В одиннадцать лет я не выдержала и сбежала из дому. Он нашёл меня, избил до полусмерти и посадил на цепь такой длины, чтоб до калитки доставала, но не дальше. Каждый раз, уходя на мельницу, пристёгивал меня к ней, как собачонку.

Когда мне исполнилось семнадцать, ко мне посватался мясник, старый друг отца. Беззубый, бородатый старикан с большим животом и огромными ручищами. Его жена умерла год назад, хотя все говорили, что он её убил. Я просила отца, чтоб он не выдавал меня за него, но он был неумолим. Выручил случай. Возле нашей деревни стал лагерем полк гусар. Один из них, подъехав к нашему дому, попросил воды из колодца, напоить коня. Увидел цепь на моей

ноге, стал расспрашивать. А через два дня, когда полк снялся, приехал утром с топором, перерубил цепь и украл меня. Привёз в Вену, внезапно куда-то исчез на месяц. Я ему сильно не нужна была, в нём горела только жажда подвига. Потом он снова появился, и мы поехали в Баден-Баден. По приезду, через несколько дней, он проигрался...

– Дальше не надо, – прервал я Мэтти, – я всё знаю.

Она посмотрела на меня с удивлением и ненавистью.

– Ах, Ваше Высочество навели на меня справки? – в голосе зазвучали иронические нотки. – А как же слово высокородного господина, что Вы не будете интересоваться моим прошлым? После всего этого Вам, наверное, должно быть жаль меня, но, поверьте, князь, мне Вас жаль ещё больше. Простите, что поставила Вас перед выбором, но у Вас сейчас два пути: один против течения, другой против совести.

Она встала и удалилась в спальню, закрыв за собою двери. Я понимал, что выгляжу ничтожеством в её глазах, что не стою даже её мизинца. Во мне боролись два человека: я – князь и я – гражданин. Сейчас, пройдя гражданскую войну, эмиграцию, фашистскую оккупацию, лишения и унижения, иначе как трусостью свой поступок назвать не могу. Но тогда мне было двадцать четыре, я видел перед собой перспективы карьерного роста, приемы и балы, светскую жизнь высшего общества, в котором не было места дочери мельника.

Ирония Чехова

Позже я, конечно, вымолил у Мэтти прощение, сославшись на доктора, который бестактно влез в наши отношения. Вопрос о женитьбе поверхностно возникал, я не отказывался от него в принципе, но и не определял конкретных сроков. Для себя же решил попросту откупиться от Мэтти, пообещав ей подарить дом к рождению ребёнка. Эта новость помогла вернуть в наши отношения спокойствие, но спокойствие это было уже построено на недоверии.

Узнав цены на недвижимость, я понял, в какое затруднительное положение поставило меня моё обещание. Я никогда не задумывался над содержимым моего бумажника. Если денег не хватало, обращался к маме, и она давала мне столько, сколько было нужно. Транжирой я не был, но и всегда жил в соответствии со своим титулом. Для путешествия денег хватало с лихвой, но для покупки дома требовалась сумма, в десять раз превышающая содержимое моих кошелька. Просить такую сумму у мамы, хоть это были и мои деньги, я не мог. Возникло бы множество вопросов, а истинную причину она бы никогда не одобрила. О Мэтти она ничего не знала, и я не спешил рассказывать о ней в своих письмах.

Можно было занять у ростовщиков, благо в Баден-Бадене их было немало, но они имели особенность трубить о долгах на каждом углу, напоминая о себе и не позволяя должникам залазить в новые долги, а мне такая слава была не нужна. И тут я вспомнил о друге детства моего отца, человеке очень уважаемом и почитаемом в нашем доме, отец часто вспоминал о нем. Мы с ним ни разу не виделись, полжизни он отдал служению России за границей, а последние десять лет занимал высокий пост посла Российской империи в Германии. Его звали граф Николай Дмитриевич Остен-Сакен.

Для того чтобы получить частную аудиенцию, я написал письмо, в котором рассказал о себе и напомнил об отце. Через неделю пришло приглашение из посольского секретариата, в котором сообщалось, что граф получил моё извещение и будет рад встрече. 15-го июля, в первую годовщину смерти Антона Павловича Чехова, в Баденвайлере решено было поставить памятник, на открытии которого будет присутствовать посол Российской империи граф Николай Дмитриевич Остен-Сакен. Далее следовало, что открытие памятника назначено на час дня возле «Hotel Sommer», последнего пристанища великого писателя. Перед открытием состоится молебен, а после торжественных мероприятий – обед.

До предстоящего события оставалось около недели. Тряска в дороге не пошла бы на пользу Мэтти, и я поехал один, заказав себе экипаж на утро 14-го июля. В Баденвайлер добрался уже к вечеру. Городок мне показался очень скучным. До сих пор не пойму, как Антон Павлович позволил увезти себя из любимой Москвы в эту глушь. Мы часто бежим от любви в надежде на чудо, хотя только любовь способна творить чудеса. Поселившись в отеле «R?merbad», после лёгкого ужина, утомлённый дорогой, я очень рано уснул, поэтому и проснулся с первыми лучами солнца. Выпив на террасе чашку кофе, я решил прогуляться, вымеряя

шагами пустынные улицы. Городок маленький, не прошло и десяти минут, как передо мной возникло трёхэтажное здание с вывеской «Hotel Sommer». На площадке перед входом, на двухметровом постаменте, возвышался ещё не накрытый беломраморный бюст Чехова. Напротив, опираясь на трость, стоял мужчина преклонного возраста. Подойдя поближе, я увидел на лацкане его пиджака золотой герб Российской империи.

– Добрый день, – я сразу заговорил по-русски, – разрешите представиться, меня зовут князь Н. – Я отвлек его от мыслей своим разговором. – Отличная работа. А вы не подскажете, Николай Дмитриевич уже в городе?

– Да, милостивый государь, – улыбнулся он, – рад нашему знакомству. Я и есть Николай Дмитриевич. Чем могу служить?

Я несколько раз прорабатывал нашу с ним беседу, возможные варианты вопросов и ответов, но столь неожиданная встреча застала меня врасплох.

– Очень приятно, – сказал я робко, – мой отец много рассказывал о Вас. Как Вы по Волге ходили до Астрахани или как в Казани покупали барана.

– Я был недавно в Казани, – ответил старик, – открывал там памятник князю Владимиру. А папеньке Вашему кланяйтесь, хоть я его и смутно помню.

– Он умер шесть лет назад.

– Ну да, ну да, очень сожалею, милостивый государь.

Мы оба замолчали. Разговор явно не клеился. Мне нужно было переходить к главному, но я не знал, как.

– Я написал Вам письмо и просил о встрече.

– Очень хорошо. Если у Вас ко мне что-то важное, говорите. У меня мало времени, дела, знаете ли.

И тут я понял, что все заранее приготовленные аргументы никуда не годны. Безразличие, с которым мне пришлось столкнуться, требовало более веских

доводов. И я пошёл на шаг, за который мне будет стыдно потом всю оставшуюся жизнь.

– Николай Дмитриевич, я приехал просить вас о помощи. Не мне Вам рассказывать, насколько безрассудна молодость. Все мы делаем ошибки, и я не исключение. Я хочу просить у Вас займы крупную сумму денег, но обещаю по возвращении в Россию вернуть всё до копейки. Дело в том, что я проигрался в карты. Понимаю, что столь постыдный поступок не заслуживает оправдания, но обратиться мне не к кому. Если до начала августа я не погашу свой долг, мне ничего не останется, как только пустить себе пулю в лоб.

– Подождите, князь, это, конечно, ужасно, но вы обратились не по адресу. Я не настолько богат, а сумма, как я понимаю, серьёзная.

– На кону вопрос о моей чести. И если я не выполню данного слова, то буду вынужден пойти до конца.

– Ну, не надо так радикально. У меня есть кое-какие сбережения. Небольшой домик под Тулой. Мы что-нибудь придумаем. Вы, главное, не отчаивайтесь.

– О, спасибо Вам, граф. Я знал, что могу рассчитывать на Ваше благородство.

– Пожалуйста, конечно, но я не граф. Нет, я из дворян, но титула не имею.

Весь этот разговор, и так доведший меня до дрожи, то ли от страха, то ли от стыда, в итоге зашёл в тупик. Недоумение отразилось на наших лицах.

– Этого не может быть. Вы Николай Дмитриевич?

– Да, я Николай Дмитриевич, – и тут он улыбнулся, – а, я понял, в чём дело. Вам нужен господин посол? Граф Остен-Сакен? Моя фамилия Стеклов, и я тоже Николай Дмитриевич, скульптор, который изготовил этот памятник.

После секундной паузы мы оба рассмеялись. Он с облегчением, а я с досадой.

– Милостивый государь, – старик похлопал меня по плечу, – будем считать, что это была репетиция. Я Вам поверил, и господин посол тоже обязательно поверит

и найдёт для Вас необходимую сумму. – Опираясь на трость, он пошёл к отелю, через несколько шагов повернулся и добавил: а виной всему Антон Павлович. Даже спустя год после кончины он продолжает над нами смеяться.

Ко?да

«Cherchez la femme» (ищите женщину) – говорят французы, а немцы: «Die Goldmünze ist klein, gilt aber viel» (золотая монета маленькая, а стоит многого). В сентябре я подарил Мэтти дом. Участвовал ли в этом граф Остен-Сакен, история умалчивает. Мэтти радовалась как ребёнок, но радость эта была недолгой. В конце октября у неё случились преждевременные роды, девочка родилась слабая и, прожив два дня, умерла. Неделю мы не разговаривали, наши отношения неуклонно приближались к логическому финалу, и она сама попросила меня уехать. Каждому нужно было начинать жить с чистого листа. Её просьба не заставила меня медлить, и я тотчас же отбыл в Россию.

Я благодарен Мэтти за её необычность, прямоту характера, любовь и страсть, которую она мне дарила, за те счастливые моменты, которые нам пришлось пережить вместе, за то, что она была и за то, что она стала частью меня. Как бы тяжело ни было расставание, у меня сохранились о ней только светлые воспоминания. Пытался ли я когда-нибудь найти её? Нет. Хотя в двадцать пятом, разочаровавшись в эмиграции, уже в Париже, я порывался посетить Баден-Баден, но судьба распорядилась иначе, и поездка не состоялась. Была ли надежда ещё хоть раз увидеть её? Да. Эта надежда жила со мной всегда, только с годами становилась мудрее и старше. И встреча состоялась.

Несколько дней назад я совершал обычную послеобеденную прогулку. На углу Бульвара Сен-Жермен и улицы Сен-Бенуа решил перейти дорогу и увидел её. Она сидела в Cafe de Flore, и хоть вуаль наполовину скрывала лицо, я всё рано узнал её по губам, по безупречной осанке, подтянутой фигуре и нежным рукам. Она увидела меня, и наши взгляды встретились. Что-то екнуло в груди, я так и остался стоять, не в состоянии пошевелиться. К ней подошёл официант, принимая заказ, отвлёк. Я воспользовался моментом и продолжил свой путь.

Брат

Ночной гость

Анна проснулась от стука в дверь. Осенний ливень барабанил в стекло и сначала ей показалось, что этот стук – всего лишь отголосок дождя, но в дверь снова постучали. Включив свет, взглянула на часы: будильник показывал три четверти второго.

За всё время, что она снимала эту крохотную комнату, в дверь стучали только два человека: хозяйка пансиона мадам Виля?р и месье Лёпэ?р, коллега по работе; но они приходили днем. Ночью стучали впервые.

– Кто там? – с тревогой в голосе, по-французски спросила Анна.

– Это я, Анечка, – ответил чуть слышно мужской баритон за дверью.

Этот голос она могла бы узнать из тысячи, из миллиона голосов. Она говорила с ним каждый день, рассказывала о наболевшем, советовалась и всегда слышала в ответ этот отсекающий все сомнения и придающий уверенность голос. Его приятный тембр, сдержанные манеры действовали успокаивающе. Он помогал ей жить на протяжении последних невыносимо тяжёлых лет. Это был голос человека, роднее которого не было на всем белом свете. И именно этот человек стоял сейчас за дверью.

– Володя, – она вскочила с кровати, стала поспешно надевать платье, – сейчас, сейчас, уже бегу. – Посмотрелась в круглое зеркальце, висевшее на стене, поправила волосы. – Боже, какая радость, – улыбка не сходила с её губ. Осмотрела комнату, заправила на скорую руку кровать. – Одну секундочку, – и надев туфли, сделав последний штрих в женском туалете, открыла дверь.

На пороге стоял офицер, через погоны шинели был продет башлык, в руках он держал маленький букетик фиалок. Анна сразу же кинулась ему на шею.

– Ну подожди, сестрёнка, – сказал он с улыбкой, – дай хоть войду. Шинель вся мокрая, платье промочишь.

Но она его не слышала, повисла на шее и плакала от счастья. С момента их последней встречи шёл уже четвёртый год. Было это в августе 17-го, он приезжал из Петрограда после окончания военной академии. С тех пор поменялось всё: нравы, ценности, люди, страна, неизменной осталась только вера в эту встречу.

Через некоторое время она сама затащила его в комнату, стала поспешно расстёгивать шинель. Он с улыбкой протянул ей принесённый букетик.

– Спасибо, мои любимые, – Анна поднесла фиалки к губам, – я сейчас принесу вазу и поставлю воду. Мы будем пить чай.

Владимир взглядом окинул комнату: кровать с ночным столиком, стол да два стула. Голая лампочка одиноко украшала высокий потолок, а большое двустворчатое окно до половины было закрыто занавесками.

– Не надо чаю, – устало ответил гость, – я ненадолго, у меня всего лишь час.

– Как час? Нет, я тебя никуда не отпущу, мы сейчас же будем пить чай. Садись и жди меня, здесь я командир. – И с улыбкой добавила: Боже, Володя, как я рада тебя видеть.

Она прибежала через минуту, держа в одной руке небольшую вазочку с фиалками, а в другой – банку с вареньем.

– Представляешь, – сказала она с восторгом, – я в Ницце уже пять месяцев и только на прошлой неделе встретила Анну Ивановну Виноградову с супругом Владимиром Андреевичем. Они уже год как здесь. Была у них в гостях. Анна Ивановна по-прежнему варит варенье, говорит, что местный джем напоминает ей холодец с сахаром. Она подарила мне вот эту баночку клубничного варенья. – Эмоции переполняли её, она вела себя как ребёнок, но ничего не могла с собой поделаться. – А теперь встань со стула и сядь на кровать, там удобнее. Я хочу, чтобы ты сидел на моей кровати, а я пока накрою на стол.

– Анечка, я не голоден, – он пересел на кровать, – не надо ничего. Посиди со мной.

– Ну что ты такой грустный, Володя, ведь такая радость, – она села рядом с ним, обняла его руку и положила голову ему на плечо. – Боже, ты такой холодный, давай, я тебя укурю. Мне так хочется тебя согреть. – Она ещё крепче обняла его руку.

– Я не замёрз, – он положил свою ладонь на её, – когда ты рядом, мне всегда тепло. Просто посиди со мной. Расскажи, как мама и как наш Киев?

– Киев опустел, предприятия не работают, некому работать, все воют. Мы с мамой ещё год назад решили уехать, но ты же её знаешь. Однажды она побывала в Баден-Бадене и сказала, что лучше нашей деревни летом ничего нет. Всё же много говорили о возможности уехать, но только после последнего прихода большевиков решили, что больше ждать нечего.

Нашу квартиру уплотнили, так сейчас называют это хамское заселение. Спасибо, хоть дали возможность выбрать комнату. Мы переселились в залу. Сначала к нам заехала семья красного командира. Его мы не видели, но зато хорошо познакомились с его женой Надей и тремя их сыновьями. У нас сразу стали пропадать вещи, хорошие вещи. Мама попросила Игната врезать замок. Ну ты помнишь нашего Игната? Он всё так же скрипит, ворчит, но двор метёт и замок нам врезал.

Через месяц заселился второй жилец, чекист Заковский. Невысокий, коренастый, с маленькими хитрыми глазками, говорил отрывисто, брызгая слюной. Неприятная личность. Одевался во всё кожаное, как шофёр, и никогда не разувался, а на каблуках его сапог были набиты конские подковы, мама назвала его «человек-конь». Мы каждый раз слышали, когда он приходил и уходил. Мама говорила: «О, человек-конь пришёл». – Анна как-то загадочно улыбнулась. – Первые дни он вёл себя крайне вежливо. Увидев меня на кухне, сразу заговорил, как будто мы были знакомы тысячу лет. Предложил устроить меня на место секретарши в Губчека. Я ему не отвечала, и это начало его раздражать. К тому же своими подковами он исцарапал весь паркет. Мама сделала ему замечание, на что он заявил, что является таким же полноправным хозяином жилплощади, как и мы, и может поспособствовать в переселении нас в дворницкую. Где-то через неделю он пришёл домой поздно вечером, сильно пьяный. Сначала кричал на кухне «Интернационал» и ещё какие-то пролетарские песни. Потом пошёл по

квартире, остановился у нашей двери. Мы молчали. Вполголоса произнес: «Девка, а девка, выходи погутаим», – достал свой пистолет и начал стучать рукоятку в дверь. Да так громко. Кричал, что если мы не откроем, то он нас всех перестреляет. Было очень страшно. Я думала, сердце выскочит. Мама спрятала меня в шкаф и открыла. Он зашёл с пистолетом в руке, стал им размахивать, спрашивал, где я. Мама ответила, что я сегодня ночью у родственников. К счастью, продолжения не последовало. Этой ночью мы окончательно решили, что нужно уезжать. Утром, дождавшись, когда опричник ушёл на службу, я собралась и переехала к тётке Маше.

Мама приходила каждый день. Выглядела она устало, было видно, что ей непросто живётся в нашей квартире. Мы обсуждали возможности отъезда, но их попросту не было. Красные никого не выпускали из города. И только с приходом поляков, в мае, появилась надежда. Мама продала кое-какие драгоценности и купила два билета до Варшавы.

Жила я по-прежнему у тётки Маши, потому что Дмитрий Алексеевич заболел и за ним требовался уход. Вечером, накануне отъезда, я пришла домой. За три месяца моего отсутствия все краски, все запахи нашей квартиры поменялись, она мне показалась какой-то чужой. Новых жильцов в ней уже не было. Зайдя в залу, я поняла, что мама никуда не поедет. Возле моей кровати стоял один чемодан, а все её вещи, фотографии, любимая вышивка – всё это покоилось на своих местах.

Мы проболтали с ней всю ночь. Говорили о папе, о тебе, вспоминали наше имя. Я поняла, что уговаривать её бессмысленно, да и не пыталась. Утром Игнат погрузил мой чемодан на тележку, и мы пошли на вокзал. Мама осталась дома. Уходя, я обернулась и увидела её в окне. Я что-то крикнула напоследок, помахала рукой, она стояла, укутанная пуховым платком, без движения. И только тут я увидела, как постарела наша мамочка за этот последний год.

Анна замолчала, слёзы капали брату на погон.

– Ой, я совсем забыла. Я же поставила воду на горелку, – она вскочила и убежала в столовую.

Вернувшись с круглым подносом в руках, на котором стояли две фарфоровые чашки и накрытый полотенцем чайничек, она с улыбкой произнесла: «А как тебе

моя идея с фотокарточкой?»

– Ты умница, – ответил брат, – помнишь, как в детстве мы играли в прятки. Я никогда тебя не мог найти, а потом ты появлялась как из-под земли. И здесь я знал, что ты обязательно найдешь возможность сообщить о себе.

– Ну так вот, – она поставила поднос на стол, – ещё год назад, когда уезжал папин друг Демидов Павел Александрович, он заходил к нам, принёс немного денег и оставил свой будущий адрес в Ницце. Да и к тому же хорошее знание французского не задержало меня в Варшаве, я сразу взяла билет до Ниццы. У Демидовых я прожила два дня, приняли меня радушно. Павел Александрович через православный приход нашёл мне вот эту комнату и помог с работой, я теперь секретарь в одной адвокатской конторе. Свою первую самостоятельную прогулку по Ницце я решила увековечить. Зашла в ателье «Родной угол» и сделала две фотографические карточки. Одну я с первым письмом отправила маме, – Анна тяжело вздохнула, – но до сих пор нет никакого ответа. Говорят, там опять красные. – Она села и стала разливать чай. – На обратной стороне второй карточки я написала свой новый адрес и попросила Павла Александровича найти возможность отправить её тебе, но он сказал, что таких возможностей у него нет. И тут, гуляя по Английской набережной, я увидела трех наших офицеров. Они шли мне навстречу. Ты же знаешь, какая я трусиха, чтоб подойти вот так и заговорить, но другого случая могло и не представиться. Набравшись смелости, я спросила господ офицеров, не знают ли они тебя. Один молодой офицер, по-моему, поручик, сказал, что знает тебя, что лежал недавно с тобой в госпитале, что ты уже поправился и сейчас должен быть в Крыму и что они тоже туда сегодня направляются. Я попросила его передать тебе свою фотокарточку. Он любезно согласился, правда, попросил ещё одну, для себя, но это, наверное, была шутка.

– Если бы не эта фотокарточка, я бы и не знал, что ты в Ницце. Недавно писал тебе письмо и поставил её перед собой. Один сослуживец увидел твой портрет и посчитал, что ты моя девушка, – произнёс брат с улыбкой, – сделал комплимент, сказав, что у меня очень красивая невеста.

– А помнишь, как в детстве ты спросил маму, – можно ли жениться на сестре. Она стала тебе объяснять, что это не принято.

– А я сказал, что всё равно женюсь и буду защищать тебя всю свою жизнь, – они рассмеялись.

– Кстати, у меня появился поклонник. Молодой человек тоже служит в нашей конторе, месье Лёпе?р. Хочет открыть цветочный магазин и продавать цветы из Сан-Ремо. Он хороший, но моё сердце молчит. К тому же я не могу себя представить женой лавочника.

– Может быть, это и не плохо: быть женой лавочника; по крайней мере, будет хоть какое-то постоянство.

– Закончится война, – сказала она мечтательно, – и мы вернёмся в Киев. Ты найдёшь себе невесту, а я жениха, и мы будем венчаться в один день в Софийском соборе.

– Ты думаешь, мы вернёмся?

– Обязательно вернёмся. Что это за мысли, – возмутилась Анна. – Я даже не прошу хозяйку поставить мне шкаф. Все вещи храню в чемодане, под кроватью. Это практично. И как только появится возможность вернуться, я в тот же день уеду.

– Конечно, – он опустил глаза и как-то с грустью произнёс: ну, мне пора.

– Как пора? А чай?

– Анечка, мне на самом деле пора, – он стал одеваться, – меня ждут.

– Погоди, но ты же мне ничего не рассказал о себе, – она всячески старалась задержать его. – Почему ты здесь? Куда отбываешь? Ты сказал, что написал мне письмо. Где оно?

– Ты его обязательно получишь, дай мне только добраться до места. Как увидишь маму, поцелуй её от меня и скажи, что я её очень сильно люблю, – он обнял сестру и поцеловал. – Я вас обеих очень сильно люблю.

След ночного дождя растаял в ярком утреннем солнце. Тоненький лучик, пробравшись сквозь ветви деревьев, упал на подушку, заставив Анну открыть глаза. Часы показывали начало десятого, но вставать не хотелось. Приятные воспоминания ночного визита манили вернуться к ним, всплывали обрывки

эпизодов, фраз, не покидало свежее чувство радости. К тому же в контору, на службу, нужно было прийти только к двум часам.

На столе уже стоял стакан молока, его приносила каждое утро мадам Вила?р. Если Анна ещё спала, то хозяйка делала это бесшумно, одновременно забирая со стола чашку, оставшуюся после вечернего чая. Поэтому отсутствие подноса, раскрывшего секрет ночного гостя, Анну нисколько не удивило. Объяснения по этому поводу у неё никто не потребовал, французы всегда славились своими свободными нравами, и Анна не посчитала нужным вдаваться в подробности.

Через два дня, 30-го октября, на юбилейном вечере бракосочетания Виноградовых, она рассказала о визите брата. Все радовались вместе с ней, поднимали один тост за другим, за победу русского оружия, за барона Врангеля и за скорейшее возвращение на родину.

Доктор Казанцев

В конце ноября пришла весть, что русская армия покинула Крым. С одной стороны, это вызывало досаду и обрывало пути к возвращению, а с другой – Анну радовало то, что война, хоть и на время, закончилась и что брат может скоро приехать. Она каждый вечер быстрым шагом возвращалась домой в надежде увидеть его и первым делом проверяла почтовый ящик, но долгожданного письма всё не было.

Рождество Анна встретила у Демидовых, и эта Ницца без снега, без мороза, без катков никак не вызвала у неё праздничного настроения. А ёлка, стоявшая возле дома и украшенная промокшими бумажными гирляндами, напоминала ей саму себя. И где же тот Дед Мороз, который придёт, ударит оземь ледяным посохом, оденет её в рождественскую шубу и закружит в волшебном вихре положительных эмоций и будущих туманных надежд.

Дни сменялись неделями, недели месяцами, и вот в один из мартовских вечеров по возвращении домой её встретила хозяйка пансиона и сообщила, что в комнате её ждёт посетитель и что сидит он там уже часа два. Анна, сорвав с

шеи шаль, влетела в свою комнату. Мужчина, сидевший на стуле, сразу же поднялся. Несколько секунд замешательства не давали им обоим собраться с мыслями. Первым решился заговорить гость.

– Мадмуазель Анна, меня зовут Казанцев Сергей Порфирьевич, я имел честь познакомиться с вашим братом, с Владимиром Степановичем, в Крыму.

Она внимательно рассматривала его. Высокий, худощавый, интеллигентной внешности, от роду лет тридцати, с правильными чертами лица. Красивый лоб с небольшими залысинами, тонкий нос в золотом пенсне. Плащ тщательно выглажен и расстёгнут, под ним аккуратный костюм. По первой же фразе Анна поняла, что этот человек не военный, но манеры говорили о том, что лишних движений он делать не привык.

– Я доктор, старший врач 1-го Дроздовского полка. К сожалению, я принёс вам печальную весть, ваш брат...

Последних слов Анна уже не слышала. В голове у неё зашумело, она схватилась руками за грудь и стала медленно оседать на пол. Казанцев подхватил её в самый последний момент. Это был обморок. Он донёс её до кровати и бережно опустил на неё.

Открыв окно и впустив свежий воздух, огляделся, осторожно взял стул и сел возле кровати. Он знал, что обморочное состояние не должно продлиться долго, и уже через минуту Анна начала приходить в себя. Она открыла испуганно глаза, не осознавая действительности. Взглянув на Казанцева, произнесла дрожащим голосом:

– Я что, потеряла сознание?

– Лежите, вам нужно ещё хотя бы пару минут покоя.

К ней опять вернулась последняя фраза, сказанная гостем. В висках застучало. Она начала подниматься.

– Не трогайте меня, – сказала она отрывисто, – я не могу сейчас лежать. – Анна села на кровать. – Зачем вы пришли, – в глазах её было отчаяние, – я вам не

верю. Слышите, не верю! И что я теперь должна сказать маме? Вы же доктор? Вы мне сделали очень больно. Как мне теперь с этим жить?

– Да, я доктор, – сказал он спокойно, – и мне очень часто приходится делать больно моим пациентам, чтобы впоследствии они могли жить, но к сегодняшнему визиту моя врачебная практика не имеет никакого отношения. Я всего лишь выполняю последнюю волю вашего брата.

Анна опустила глаза, а когда она их подняла, это уже были другие глаза, полные слёз и сожаления.

– Извините меня, – она взяла его руки в свои ладони, – я была не права и не должна была вам всего этого говорить. Простите великодушно. Мне сейчас очень тяжело, но вы должны мне рассказать, как он погиб.

– Может быть, воды? – Она отрицательно махнула головой. – В конце октября мы с корниловцами стояли на Юшунских позициях, защищая ворота в Крым. Красные собрали силы, намного превосходящие наши. Бои шли тяжёлые.

Наш полевой лазарет расположился в одном из дворянских особняков, раненые лежали в комнатах на соломе. Владимира Степановича в очень тяжёлом состоянии привёз генерал-майор Турку?л. Я сделал всё, что смог, но ранение было не совместимо с жизнью, были повреждены многие внутренние органы. К счастью, у меня было немного морфина, чтобы облегчить ему боли. После операции мы с ним несколько раз беседовали, он был в полном сознании. В два часа ночи я делал обход. Владимир Степанович спал и улыбался. Представляете, улыбался.

Я ещё подумал: надо же, такие страшные боли, вокруг кошмар, а он спит и снится ему что-то хорошее. Я тоже ушёл спать. В пять утра меня разбудила дежурная сестра (привезли новых раненых) и сообщила, что ночью ваш брат скончался.

Он замолчал, ком в горле не давал ему говорить. Всё-таки насколько бесчеловечна война, она обесценивает человеческую жизнь, притупляет мораль, чувства. Скольких он видел стонущих от боли, скольких похоронил, сколько провёл операций, ампутаций, и это не вызывало у него сентиментальных чувств. А здесь одно лишь воспоминание, и ком подступил к горлу. Казанцев

откашлялся.

– Простите, – сказал он тихо, – вы можете им гордиться: он был очень сильным человеком. Во время одной беседы он сообщил мне, что в кармане его гимнастёрки осталась ваша фотокарточка с обратным адресом и письмо. И если с ним что-то случится, просил передать его вам.

Казанцев достал письмо с фотокарточкой и орден Святой Анны. Всё это бережно передал в руки Анне. На письме были капельки крови, отголосок смерти. Она положила орден и фотокарточку на кровать, а письмо взяла в свои ладони, поднесла к губам и стала вдыхать в него жизнь, свою жизнь. Сколько ждала она этого письма, а теперь ей было страшно его открывать.

– Это орден Святой Анны, – посмотрев на орден, произнёс Казанцев, – он им особенно дорожил. Сказал: «Доктор, я и в этот раз обязательно выкарабкаюсь, потому что возле сердца ношу Святую Анну, сестра у меня Анна, она святая, она всегда со мной». Я уже снял этот орден перед погребением, без его разрешения, но думаю, что Владимир Степанович был бы не против. Пусть он останется у вас на память. Мы похоронили его 28-го октября, недалеко от лазарета, в лесу. Место я приказал разровнять. Никакого холмика, никакой таблички, в целях безопасности, но это место я помню хорошо и могу указать.

Она посмотрела на него радостными, почти безумными глазами.

– Как вы сказали? 28-го октября? Этого не может быть. Этого не могло быть. – Она встала и начала ходить по комнате. – 30-го октября я была на юбилее у Виноградовых, а за два дня до этого, в ночь на 28-е, он приходил ко мне. Он был здесь. Вы понимаете, этого не могло быть. Мы пили с ним чай, он принёс мне фиалки.

– Вы меня простите, бога ради, но я, пожалуй, пойду. Вам лучше сейчас побыть одной. Я пробуду в городе ещё три дня, остановился здесь неподалёку. Вы не будете возражать, если я завтра к вам загляну?

– Да, конечно, – её отрешённый взгляд говорил о том, что мысли были где-то далеко, – конечно, заходите. Я буду очень рада, – сказала Анна, и он ушёл.

И тут Анна стала сумбурно вспоминать тот ночной визит, стараясь найти ещё хоть какие-то доказательства. В том, что он был здесь, она не сомневалась, помнила каждую морщинку на лбу, ямочки на щеках, его руки и даже запах его гимнастёрки. «А утром? Что было утром? Подноса с чаем уже не было. И мадам Вила?р тоже ничего не спросила. Стоп. Фиалки. Фиалок тоже не было на столе, а хозяйка пансиона если и забрала посуду, то фиалки бы не тронула, а их не было. Это был только сон?»

– Значит, когда он спал и улыбался за тысячи вёрст отсюда, мы говорили с ним здесь во сне? – Слезы маленькими бусинками начали скатываться по щекам. Она открыла письмо. – Моя милая Анечка. – Строки зазвучали голосом брата. – Если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет в живых. – Капельки скатывались на бумагу. – Ты была моим ангелом-хранителем, теперь я буду твоим. – Мокрые пятна размывали буквы. – Живи долго и счастливо, ради нас двоих. А я буду... – Слезы не дали дочитать до конца, Анна закрыла глаза.

Ко?да

Полковник Дрон Владимир Степанович, командир 3-го Дроздовского полка, был смертельно ранен в бою и скончался 28-го октября 1920-го года, ему ещё не было и 30-го лет. Место захоронения не известно. Приказом Главнокомандующего в октябре 1921-го года он был награждён орденом «Святителя Николая Чудотворца» посмертно.

Дрон Анна Степановна через год после описанных событий вышла замуж за Казанцева Сергея Порфирьевича, старшего врача 1-го Дроздовского полка, и переехала по месту службы мужа в Болгарию. Впоследствии чета Казанцевых обосновалась в Софии.

Два года назад я отдыхал в Болгарии и решил посетить столицу, познакомиться с её достопримечательностями. Гуляя по вечернему городу, я наткнулся на знаменитый бар «Road 66» и решил зайти. Через какое-то время ко мне подсел молодой человек.

Мы разговорились, как это обычно бывает в барах, он сразу понял, что я русский, и сказал: «Во мне тоже течёт русская кровь. Мои прадедушка и прабабушка родом из России. А брат моей прабабушки воевал и героически погиб в 1920-м году в Крыму». И рассказал мне историю, которую я впоследствии переложил на бумагу.

В завершение мой собеседник добавил: «Эта история – самая главная реликвия нашей семьи. Мне её рассказывали неоднократно и бабушка, и дедушка, и отец, и я буду рассказывать её своим детям и внукам. Потому что человек живёт ровно столько, сколько о нём помнят».

Все дело в шляпе

У каждой эпохи есть свои символы, и одним из символов начала двадцатого века была шляпа. Да, да, мой современный Читатель, трудно представить себе уважаемого господина того времени, а тем более даму, гуляющих в парке или отправляющихся по делам без этого аксессуара. Но оставим прекрасный пол в парке под вековыми деревьями, сразу начнём отсекать ненужные детали, наш случай касается исключительно мужского головного убора. Шляпа определяла всё: статус в обществе, материальное положение, уровень воспитания, принадлежность к той или иной профессии или конфессии, даже возраст – и продолжала усердно служить человеку, исполняя свои первоначальные функции: спасать от жары, дождя и холода. Выходя из дому, можно было забыть перчатки или трость, шляпу – никогда! Выйти на улицу с непокрытой головой означало выйти за рамки приличия! Ну, или по крайней мере это должен быть неординарный случай, требующий объяснения. Именно это и случилось с моим подопечным Аполлинарием Матвеевичем Гириным. Но не будем опережать события, мой нетерпеливый Читатель. Как сказал мудрый царь Соломон: «Всему

свое время».

Аполлинарий Матвеевич

Родился Аполлинарий Матвеевич в семье героя Крымской войны Матвея Алексеевича Гирина, получившего за боевые заслуги от государя императора чин дворянства и небольшое имение Дятлово в Рязанской губернии. Дабы укрепить свой статус материально, Матвей Алексеевич венчался с дочерью купца Каширина, Анной Михайловной. Первенцу имя дала супруга и назвала в честь батюшки-благодетеля Михаилом, а вот право дать имя второму сыну выпало Матвею Алексеевичу. Оставив службу в чине полковника, Матвей Алексеевич увлёкся древнегреческой мифологией да дворовыми девками, хотя второе, мой нравственный Читатель, к нашему повествованию никакого отношения не имеет. Решение назвать новорождённого Аполлоном, именем сына Зевса, которым он восхищался, пришло задолго до родов, но вот озвучить это решение отставной полковник осмелился только после того как взял младенца на руки.

Тут восстала Анна Михайловна: «Чего это ради я ребеночка девять месяцев вынашивала, опосля в тяжёлых потугах рожала, чтоб Вы его заморским именем нарекали?» Уважение проявили обоюдное и стал Аполлон – Аполлинарием. Случилось это событие в октябре 1867-го года.

С тех пор Аполлоша значительно подрос, стал Аполлинарием, а затем и Матвеевичем и к своим 43-м годам выглядел довольно упитанным надворным советником. Он был уверен, что давно достиг ранга советника с приставкой «коллежский» и с окружающими вёл себя соответственно. За последние годы он сильно раздался вширь, так что одежда, покупаемая на размер больше, через год уже была мала. Лицом Аполлинарий Матвеевич был копия папенька: взгляд бульдожий, губы толстые, нос массивный, глаза выпуклые, вложенные в слегка провисшие веки, лоб узкий, с высокими залысинами, заканчивающимися на затылке, полные щеки украшали кучерявые бакенбарды, превращающие овал лица в круг. И поддерживал весь этот пейзаж солидный двойной подбородок.

Одевался он всегда опрятно, хотя из-за чрезмерной полноты и потливости верхняя пуговица рубашки всегда была расстёгнута, а галстук приспущен и сдвинут.

Опрятность моего подопечного – это в наибольшей степени заслуга его супруги Эммы Христиановны. Здесь, мой любопытный Читатель, мы вынуждены копнуть поглубже. Родитель Эммы – Христиан Хазенфуз, учитель танцев и знаток великосветских манер из Гамбурга, человек небогатый, но очень предприимчивый, женился на одной из самых красивых девушек города Киля, Юте Шнайдер. Пообещав молодой швее, что она оставит свой гешефт и будет заниматься только домом и детьми, а также посулив ей золотые горы, в 1883-м году он перебрался в Россию и поселился с семьёй в Санкт-Петербурге. Эмме по приезду исполнился год.

Поначалу всё шло как по маслу, но за десять лет северная столица окончательно перевоспитала предприимчивого иностранца. Проигравшись в карты, он залез в долги, потом снова проигрался и, не пережив отчаяния и оскорбления кредиторов, вскорости застрелился, оставив семью по уши в долгах.

Вернуться в Германию Юте не позволили, кредиторы в судебном порядке отобрали паспорт. Ей ничего не оставалось, как выплачивать по мере возможности долги, вернувшись к своему привычному ремеслу – швейному делу, которому обучила и маленькую Эмму. Нужно отдать должное родителям: к десяти годам Эмма впитала хорошие манеры, которыми обладал её отец, а аккуратности матери мог бы позавидовать самый изысканный дом Петербурга.

Гирин, живший в своё удовольствие, жениться не собирался, это был как раз тот случай, когда можно сказать: «Вынудили обстоятельства». Перед его тридцать третьим днём рождения пришла ужасная весть из родительского дома: скончалась Анна Михайловна. Отец призывал Аполлинария Матвеевича в срочном порядке прибыть в Дятлово. Завершив за два дня все неотложные дела, он покинул столицу и застал отца в постели. После смерти матушки Матвей Алексеевич сильно сдал. Появление сына его не обрадовало, на протяжении последних восьми лет тот не соизволил ни разу появиться в родовом гнезде и к тому же опоздал на похороны матери.

– Что смотришь? Думаешь, я тебя здравствовать буду? – сурово процедил отец.

– Здравствуйте, папенька, – вытирая лоб платком, виновато произнёс Аполлинарий Матвеевич. – Да дела всё, дела-с.

Сейчас он выглядел как Аполлоша, который ещё ребёнком бегал по этому дому.

– Какие дела-с? – вскипел отец, – маменька померла и даже к похоронам ты не соизволил успеть? А ведь мы тебя ждали.

– Как телеграмму получил, так сразу, – пробормотал Аполлинарий Матвеевич.

– Не ври мне! Я знаю, сколько почтовые до Питера бегут, а у тебя всё дела-с!

– Виноват, но ни минуты не медлил-с, вот в чём был, в том и приехал, – раскаиваясь, он развёл руками.

– Шляпу-то сыми, – немного остыв, сказал отец, – да и плащ тоже, разговор у меня к тебе сурьёзный имеется.

Сняв шляпу и плащ, Аполлинарий Матвеевич присел на краешек стула возле постели больного, кротко сложив руки на коленях. В его намеренья не входило говорить, он должен был только кивать и соглашаться со всем услышанным.

– Я скоро умру, – сделав сиплый вздох и не увидев никакой реакции, Матвей Алексеевич добавил: не возражай, матушка зовёт, сон видел. Имение и земли, это две трети наследства, остаётся Михаилу, он служит, но родительский дом не забывает, и семья у него крепкая, и внуки часто у нас гостят. Всё он делает правильно. Заслужил! А ты! – опять разгорячился отец, трясая указательным пальцем. – Исполняю последнюю волю матушки: передать тебе одну треть в ассигнациях и ценных бумагах, но только после рождения первого внука или внучки. Жениться тебе нужно, нагулялся, хватит. Имею одно условие уже от себя, – немного остыв, проговорил он, – чтоб до моей кончины венчался ты в церкви нашего прихода, чтоб отец Павел тебя, дурня, венчал. – Матвей Алексеевич на секунду задумался и добавил: Так в завещании и прописал. Не будет внуков через год, всё Михаилу отойдёт. – И уже совсем слабо: Хотела матушка, чтоб и с твоей стороны род продолжался. Времени у тебя как коса состригла. Успеешь на благословение, и меня порадуешь, и матушку, царство ей небесное.

Уже возвращаясь в Санкт-Петербург, Гирин взвешивал все «за» и «против», положив на одну чашу весов свободу и своё скромное жалование, а на другую – женитьбу и богатое наследство. Да, мой расчётливый Читатель, тут сколько ни взвешивай, а вторая чаша была потяжелее, открывались новые перспективы, да и жалование, хоть и скромное, оставалось в кармане. А женитьба – ну тут, как говорится: «Стерпится, слюбится».

Дело оставалось за малым, нужно было срочно найти невесту. Здесь холодный расчёт привёл к правильному решению. Он хорошо знал семью Хазенфуз, знал их проблемы и, что греха таить, ему нравилась Эмма Христиановна. В ту пору ей уже исполнилось восемнадцать, гены сыграли своё дело, она была стройна, очень привлекательна, недурно воспитана и, главное, он мог ей предложить совсем другую жизнь.

Свадьбу сыграли в Дятлово и аккурат через год родился первенец. Аполлинарий Матвеевич купил квартиру в Банном переулке, возле Фонтанки, завёл дружбу с состоятельными соседями, забурел и заимел вид человека, увидев которого можно было сказать: «А жизнь-то удалась».

Чего нельзя было сказать об Эмме. Первые годы они ещё выезжали вместе в театр или оперу, ходили гулять, появлялись в салонах, но было это нужно скорее Гирину, чем его супруге. Позже их отношения перешли на лад хозяина и гувернантки и ограничивались решением каких-то хозяйственных вопросов за завтраком или перед сном. Только изредка разбавлялись они выполнением супружеского долга.

После первых родов у Эммы обострились боли в желудке, врачи прописали ездить в Карловы Вары, на воды, и она не отказывала себе в этом удовольствии, каждый год покидая Петербург на пару месяцев. Аполлинарий Матвеевич сопровождать её наотрез отказывался, ссылаясь на незаменимость по службе, а на самом деле он был рад своему одиночеству.

За десять лет супружества она родила ему ещё одного мальчика и девочку, по срокам дети были недоношенные, семи и семи с половиной месяцев, хотя по весу не уступали девятимесячным младенцам, а сроки отсчитывались по возвращении Эммы из Карловых Вар. Была одна незадача с девочкой: родилась смуглянкой, с азиатскими чертами, но тут вмешалась Юта, мама Эммы, рассказав о прабабке, которая имела грех с торговцем из Турции. И хоть на самом деле это была сестра прабабки, он охотно верил всему, что для него не

представляло никакого интереса, по одной простой причине: Эмма была для него женщиной второго, а порой и третьего плана.

Нет, мой удивлённый Читатель, у меня нет цели тебя запутать, всё гораздо проще. Если у Зевса Фемида была второй женой, то у моего подопечного она же была первой и единственной, которой он служил преданно и любил безмерно. Аполлинарий Матвеевич был юрист, да какой! За двадцать лет усердной службы он имел свой кабинет в министерстве юстиции на Малой Садовой и чин старшего контролёра судебных производств по городу Санкт-Петербургу. Контроль над всеми уже завершёнными судебными процессами давал ему право держать в страхе всех окружных судей города. Перечитывая протоколы заседаний, он мог счесть, что судья был слишком строг и дал незаслуженно высокий срок, но чаще всего случалось обратное: за тяжёлые преступления следовало незаслуженно лёгкое наказание.

Тут нужно знать менталитет русского чиновника, как говорится: «Не подмажешь, не поедешь». К примеру, купцу Нефёдову за убийство грузчика Федюкина был назначен денежный штраф, да в таком малом размере, что даже стыдно и произнести. В этом случае судебный контролёр Гирин вызывал к себе в кабинет окружного судью, который вёл этот процесс, и немного пожурился, тыкая пальцем в дело, выдвигал ящик стола, и окружной судья клал туда уже заранее приготовленный конверт. А потом судебный контролёр Гирин с суровым видом ставил на титульной странице свою прямоугольную печать «Проверено», и дело относили в архив. Возвращаясь домой, он убеждал себя, что всё-таки полезный он человек и нужным делом занимается, правильной женщине служит и каким-то неземным теплом согревал карман его сюртука конверт услужливого окружного судьи. Бывало, в нём просыпалась мегера-совесть и хриплым, простуженным голосом кричала, что взятка – это грех, но тут же в дискуссию вступало добренькое невежество и успокаивающе убеждало, что ничего уж тут не поделаться, все берут.

Да, мой правоверный Читатель, это не единственный, и по меркам моего подопечного, не самый страшный грех, который тяготил его душу. Были ещё как минимум два, о которых я знаю и от которых Аполлинарий Матвеевич страдал безмерно, но избавиться, увы, не мог.

Первый приходил к нему, как вспышка, как гром молнии, и следует добавить, что так же быстро и испарялся, оставляя только душевную боль и дыры в кошельке. Мой герой был чрезмерно влюбчив. Он считал, что это дурная

наследственность, доставшаяся ему от родителя и по молодости окрылявшая его, но с годами ставшая в тягость. Каждый раз влюбляясь в ту или иную особу, он терял голову и делал всё, чтобы расположить её к себе, одаривая не только своим вниманием, но и располагающими к себе дарами, выраженными в украшениях, одежде и в денежных ассигнациях. Как только эти глаза начинали ему улыбаться и отвечать взаимностью, к нему приходило прозрение и ощущение, что его используют и дурачат. Он разворачивался на 180 градусов и исчезал за горизонтом. Это прозрение оставляло неизгладимые душевные раны, а с годами становилось всё дороже.

Второй грех был, напротив, долгосрочным и не прекращающимся уже второе десятилетие. Наследственно он уходил в дедовы корни, к купцу Каширину. Купеческое своё происхождение, как и грех этот, Аполлинарий Матвеевич всячески скрывал, поскольку был уже в ранге высоком, ждал повышения чина и не к лицу ему было так опускаться, но, как говорится, гены-то не обманешь. Он страдал алкоголизмом. Нет, мой сочувствующий Читатель, не так чтобы страдал, вернее, страдал, но не так чтобы очень. Каждый день, когда наступало время обеда, он делал вид, что направляется домой, а сам шёл в трактир или подвальчик, куда человеку его ранга было не с руки заходить. Там заказывал себе косушку водки, солёных огурцов да кусок ветчины, заедал всё это обильно чесноком, чтоб перебить запах спиртного, и возвращался на государственную службу. За глаза сослуживцы называли его «чесночной гирей». Пути следования каждый день менялись, чтобы не привлекать излишнего внимания постоянных посетителей трактиров и сослуживцев. Он позволял себе заходить в один и тот же подвальчик не чаще одного раза в неделю.

Самым ожидаемым днём была пятница, потому что в пятницу после службы Аполлинарий Матвеевич ехал в «Палкинъ», садился скромно в отдельном кабинете, заказывал сразу литр водки или полугара, закуски и пил. Пил от счастья и от горя, говорил с самим собой, плача в душе и смеясь. Здесь компания ему была не нужна. Этот процесс он называл снятием недельного стресса. Ближе к полуночи на извозчике добирался домой. В этот день он всегда ночевал в своём кабинете, в котором Эмма предварительно стелила ему на диване. Путь в кабинет лежал через столовую. Не включая света, он находил стеклянный буфет, извлекал оттуда графин с водкой, выпивал ещё один шкалик и тихо, как мог, шёл спать.

Единственная божья заповедь, которую Аполлинарий Матвеевич чтит и не уставал повторять, была: «Помни день субботний. Шесть дней работай, а день

седьмой – суббота – Господу твоему». Просыпался в субботу он после тяжёлой пятницы ближе к десяти часам. Слушал, нет ли кого в столовой, бесшумно выходил, подходил к любимому стеклянному буфету, наливал себе один за другим два шкалика водки, не спеша выпивал и, выдыхая с наслаждением, после каждого шкалика тихонечко произносил «Аминь». Затем так же бесшумно возвращался к себе. Обед ему приносили в кабинет, он делал вид, что работает, а ближе к пяти часам, приведя себя в божеский вид, выходил к вечернему чаю.

В отдыхе Гирин практически не нуждался, ссылаясь на важность дел по службе. Лишь раз в год, когда Эмма уезжала в Карловы Вары, он брал три недели отпуска, две из которых лечил душу до полного очищения, потом неделю прислуга отпаивала его травами, и начинался новый рабочий год. Такой отдых назывался «по болезни души» и был учреждён ещё указом Александра Первого в 1807-м году. Правда, он касался купеческой гильдии, но Аполлинарий Матвеевич был убеждённым монархистом, чтит все законы и указы государевы, а этот особенно.

Вот вроде и всё, мой терпеливый Читатель, что я должен был тебе рассказать о моём подопечном, и теперь мы можем приступить к повествованию событий, виновницей которых стала шляпа.

Трактир «Кабачокъ»

Стоял жаркий летний день 1910-го года, а точнее, 8-е июля, пятница. Ровно в час дня Аполлинарий Матвеевич вышел из министерства и остановился на крыльце, солнечный свет слепил глаза. Неожиданно за локоть его тронул прокурор Воробьёв:

– Вы на обед? Поедемте на извозчике, нам же в одну сторону? Заодно и дело Грушевского обсудим.

– Не могу-с, – ответил Гирин, – в другой раз. Врачи прописали больше ходить. Пойду пешком.

– Ну, как знаете. Я загляну к Вам в третьем часу. Желаю здравствовать. – Воробьёв прыгнул в ждавшую у крыльца коляску и, отъезжая, вежливо поклонился.

Гирин проводил глазами фаэтон и, на первый взгляд, никуда не торопился, но на самом деле все мысли его были настроены на давно проложенный маршрут. В 15 минутах ходьбы отсюда, на одной из немногочисленных улочек, находился трактир с незатейливой вывеской «Кабачокъ». Это было полуподвальное помещение с низкими потолками арочного типа, квадратными окнами, выходившими на брусчатку, и большими деревянными столами. По вечерам здесь было шумно, отдыхал простой люд, в обед же зал был почти пуст. Аполлинарий Матвеевич посещал этот подвальчик в обеденное время строго по пятницам.

Не дойдя метров десяти до трактира, он немного замедлил шаг, чтоб внимательно осмотреться. Две дамы с зонтиками, о чём-то беседуя, двигались навстречу. Молодой офицер кого-то ждал на противоположной стороне улицы и заметно нервничал. Дворник, расставив широко ноги, дремал с открытыми глазами, опершись на метлу. Гирин, не привлекая лишнего внимания, быстро спустился по ступеням. На пороге его встретил худощавый половой с улыбкой до ушей, которую обычно рисуют на новогодних масках:

– Здравствуйте, Ваше сиятельство, – он ко всем, кто выглядел более или менее прилично, обращался «Ваше сиятельство». – Чего изволите?

– Как всегда, – буркнул Гирин, – неси. – Окинув взглядом зал, он прошёл в угол и занял последний стол. Положив на стол шляпу, сел лицом к стене.

Половой засуетился: приход желанного гостя сулил хорошие чаевые, и через пять минут гость уже закусывал ветчиной первую рюмку.

Без четверти два, когда Аполлинарий Матвеевич заканчивал трапезу и уже собирался уходить, к нему вдруг неожиданно подсел человек, явно нежеланный собеседник. Одет он был в старенький сюртук на размер меньше его тучной комплекции. Он даже не сел, он просто упал на скамью всем своим весом, не спросив разрешения.

– Вас как зовут? – выпалил незнакомец.

– Вы что себе позволяете? И какое вам, собственно, дело-с? – поднял тяжёлый взгляд Гирин. – Я же не спрашиваю вашего имени, сударь.

– Да моё имя вам всё рано ничего не скажет, а Вас же зовут? – он заискивающе прищурил глаза, в которых было столько надежды на ответ, как будто решался вопрос жизни и смерти.

– Аполлинарием Матвеевичем.

– Всё правильно, – ударил по колену незнакомец, – вас мне и нужно. Вас какой-то человек, Аполлинарий Матвеевич, просит подойти к телефону.

– Меня-с? – неожиданно вздрогнул Гирин, лицо его вытянулось и покрылось мелкими испаринами, глаза округлились, – не может быть.

– Вас, так и сказали, позовите, мол, Аполлинария Матвеевича, это господин в сером костюме, он у вас должен обедать. Так это вы Аполлинарий Матвеевич?

– Я, – с недоумением сказал Гирин и, немного помедлив, спросил, – а где телефон?

– По коридору и налево, возле раздевальни и туалета, – с прищуром ответил незнакомец.

По пути к телефону в голове у Аполлинария Матвеевича роились хаотичные мысли, он задавал себе массу вопросов, на которые не находил ответа: «Кто-то знает? Но откуда? Как объяснить? Может, уйти? А вдруг что-то важное? Нет, наверно, ошибка?» Подойдя к телефону, он со страхом посмотрел на лежащую рядом трубку, в висках звучал нескончаемый набат, рот пересох, руки вспотели.

Подняв трубку, дрожащим голосом Гирин произнёс: «Слушаю-с». В трубке молчали. Он подождал ещё пару секунд и повторил: «Я вас слушаю». В трубке по-прежнему молчали. Пару раз дунув в неё и ещё раз послушав, Аполлинарий Матвеевич медленно положил трубку на аппарат. Постояв некоторое время, он ещё раз взял её и набрал коммутатор; ответил приятный женский голос. «Девушка, – сказал Гирин, – мне на этот телефон только что звонили-с, не подскажите откуда». «Подождите минуточку, – сказал женский голос и через некоторое время сообщил: На этот телефон в течение последнего часа никаких звонков не поступало».

Недоумение переросло в неопишемую радость. Возвращаясь к столу, он уже благодарил бога, что всё обошлось, ещё не задумываясь над тем, что здесь какой-то подвох и что этот розыгрыш неспроста. Незнакомца за столом уже не было, и это тоже обрадовало Гирина. Он вылил остатки водки в рюмку, выпил, потянулся за шляпой, чтобы встать и уйти, но тут обнаружил, что шляпы на столе нет.

Незнакомец

Ты уже понял, мой догадливый Читатель, что шляпа ушла вместе с знакомцем, вернее, её увели, она же дама. Как только Аполлинарий Матвеевич удалился к телефону-аппарату, незнакомец без лишней суеты, прижав одной рукой шляпу к груди, со спокойным лицом подошёл к половому.

– Передайте, пожалуйста, моему господину, что я захватил его шляпу и буду ждать на улице.

Поднимаясь по ступеням, он надел свой новый трофей, ступил на улицу и зашагал быстрым шагом, но вот незадача: едва он прошел метров тридцать, как на голову ему упал горшок с геранью. Удар был до того неожиданный, что он, даже не успев вскрикнуть, упал на колени, а потом, немного задержав туловище, вlepился лицом в тротуар. Стали сбегаться прохожие. Дворник, сколько есть сил, свистел в свисток, раздувая щёки. Улица ожила, почти одновременно подъехали два извозчика. Не заставил себя ждать и городской, он чинно шагал навстречу своим обязанностям, засунув большой палец правой руки под ремень, и выражал само спокойствие. Это был высокий детина с форменными усами и бляхой на груди. Дворник подбежал к нему и что-то невпопад докладывал.

– Обычное дело, – ответил городской, подходя к знакомцу. Наклонившись, послушал пульс на руке, потом на шее, снял фуражку и произнес: «Отошёл, горемыка», – глубоко вздохнув, перекрестился.

– Это, несомненно, убийство, – категорично заявил худощавый старичок в очках, отчётливо выговаривая каждый слог в слове «несомненно», – вы посмотрите, ему на голову кинули вот эту железную шайбу.

Рядом с незнакомцем лежали осколки разбитого горшка с остатками цветка, шляпа и чугунная шайба. Городовой посмотрел вверх: на четвёртом этаже не хватало пятого крайнего горшка с геранью, окно было закрыто и зашторено.

– Да нет же, – рассуждал городовой, – цветок ветром сдуло, а грузы такие у жестянщика можно купить на рынке, дабы вес у горшка потяжелее был, чтоб этим же самым ветром и не сдуло. На краю стоял, вот и упал. Да и шайба вся в земле. Обычное дело.

– Но как же, господин полицейский, – не унимался старик, – ветра-то нет.

– А вот сейчас дуну разок, чтоб тебя сдуло, и будет ветер, – осерчал городовой, – кто-нибудь видел, что вот этому господину горшок на голову кинули? – Все отрицательно покачали головой. Он посмотрел на дворника, тот тоже развёл руками. – Я же говорю, обычное дело. Может, кто-нибудь его знает? – ответа не последовало, и городовой начал обыскивать незнакомца. Кроме часов на цепочке да 30 копеек, ничего не было. – Не густо, ни одного документа.

И так как нам, мой разочарованный Читатель, не удалось познакомиться с этим человеком в трактире, тут уж ничего не поделать, имя его навсегда останется тайной. Видимо, на роду ему так написано: уйти из нашего рассказа незнакомцем.

– А шляпа? – осторожно выкрикнул старик.

– Что шляпа? – злобно зыркнул на него городовой.

– На шляпе может быть имя написано, посмотрите внутри, – настаивал старик.

Городовой поднял шляпу, внимательно осмотрел её и обнаружил под внутренним бантом визитную карточку.

Аполлинарий Матвеевич Гирин

Надворный советник

Старший контролёр судебных производств по городу Санкт-Петербургу

переулок Банный дом 6

– Вот тебе, бабка, и Юрьев день, – выпрямился городской – человек-то знатный, а с виду не скажешь.

Извозчики, всё это время о чем-то жарко спорящие, ударили по рукам, и один из них удалился. Всё дело в том, что здесь пассажир особый. Если везти в больницу, да без сознания, то тройная плата полагается, ну а если преставился, то уже в похоронное бюро, а там ещё и поторговаться можно, сказать, мол, что другим отвезу, так шестеро, а то и всемеро больше выложат. Городовой подозвал извозчика.

– Вот что, любезный, – сказал он, вытирая пот со лба, – отвезешь его высокоблагородие на Галерную 17, к братьям Лакрицким в похоронное бюро. Да скажешь, что от меня, Прохоров я, – внушительно произнёс городской, – они укажут, где сгрузить. А я к полицмейстеру на доклад.

Ну что тут добавить. Кому-то жить, а кому-то умирать, и тот, кому достается первое, всеми силами старается эту свою жизнь сделать поярче, поинтереснее, как говорится, чтоб было и на хлеб, и на леденцы. В те времена это ещё называлось «Услуга за услугу». Не суди их строго, мой нравственный Читатель: и извозчик, который выторговал поездку у своего коллеги, и городской Прохоров, который направил извозчика в нужное ему ритуальное бюро, конечно же, не бескорыстны, но они обычные люди своего времени.

Дворник с извозчиком погрузили тело незнакомца в коляску, предварительно подвязав ремнём и положив рядом шляпу. Извозчик тронулся в своём направлении, городской в своём, а дворник проводил их скучным взглядом, расставил широко ноги и, опершись на свою метлу, продолжил дремать с открытыми глазами.

А тем временем

Первым делом Аполлинарий Матвеевич позвал полового, и так как подошло время оплаты, тот с застывшей улыбкой подбежал к гостю.

- Ваше сиятельство желает расплатиться?

- Наше сиятельство, - прошипел Гирин, - хотел бы прежде всего знать, где его шляпа? - он нервно стучал пальцами по столу.

Половой удивлённо захлопал глазами: «Вашу шляпу забрал ваш извозчик».

- Какой извозчик? Зови-ка ты мне хозяина, - вскипел Аполлинарий Матвеевич, - вижу-с, с тобой, дураком, каши не сварить.

Через минуту появился трактирщик, коренастый бородач низенького роста в косоворотке и в канцелярских нарукавниках.

- Уважаемый, хочу принести Вам свои глубочайшие извинения. Мы готовы...

- Но он же, - перебил его половой, - он спустился, сказал, что ваш извозчик, потом спросил, где у нас телефон, а после вернулся и сел за ваш стол.

- Замолчи, придурок, - трактирщик хотел ударить полового по затылку, но достал только до шеи, - у нас такой случай впервые.

Тут уж трактирщик слукавил: всегда была договорённость между ворами и хозяином заведения. Хозяин получал свой небольшой процент, а воры спокойно работали; если мужики вора ловили, то били нещадно, но трактирщика он не выдавал. Знали мужики: пьёшь, держи шапку в руке, а кошель в голенище. И всё равно, где пьяный, вору работы непочатый край. Но то мужик, а тут дворянин, и таких договорённостей не было.

Гирин встал и посмотрел на трактирщика сверху вниз.

– Мы готовы всё возместить, – съёжился трактирщик, став ещё меньше, – если хотите, можете взять мой котелок, он почти новый.

– Да ты знаешь, кто я такой, – взревел Аполлинарий Матвеевич, – чтоб предлагать мне свой вшивый котелок. Да я тебя... – но быстро осёкся: популярность в таких заведениях ему была не нужна, он оправился и пошёл на выход.

– А за обед? – осторожно спросил половой.

Тот даже не повернулся, в нём всё кипело. Конечно, трактирщик мог бы ему сказать, что через час его шляпу можно будет увидеть в квартале отсюда, в магазине подержанной одежды, он сам две недели тому назад купил там свой котелок, но зачем было создавать лишнюю проблему? Выйдя на улицу без шляпы, Аполлинарий Матвеевич почувствовал себя практически голым. Справа, в нужном ему направлении, стояла толпа людей, извозчики. Чтоб не привлечь лишнего внимания, он повернул налево. Благо, что в те годы в Санкт-Петербурге было много шляпных магазинов. Пройдя несколько улиц, он нашёл нужный ему магазин и, уже выйдя из него в новенькой шляпе, подумал: «Нервы ни к чёрту. Хорошо, хоть пятница сегодня. После службы сразу в ресторан».

Переулок Банный, дом 6

По набережной Фонтанки шли два молодых человек, звали их Абрам Натанович Лакрицкий и Арон Натанович Лакрицкий. У одного из них в руках была украденная шляпа Аполлинария Матвеевича. Как ты уже понял, мой догадливый Читатель, это были братья Лакрицкие, владельцы похоронного бюро «Светлый путь», куда был доставлен наш незнакомец. Одеты они были как два столичных франта, как говорится, с иголки, и хоть обшивал их дядя Мойша Либерман, отличие от парижских костюмов было незначительное. Дядя Мойша шил лучше.

Своим нарядам они уделяли большое внимание, так как считали, что по внешнему виду продавца можно определить уровень продаваемого им товара. В остальном жили они очень скромно, нет, даже очень-очень скромно. В жёны

взяли себе двух сестёр-близняшек и, прежде чем сделать им предложение, серьёзно подошли ко всем вопросам экономии. Здесь было много приоритетов: один день рождения на двоих, один подарок на день рождения для тёщи. Они даже визитную карточку заказали единого образца, не вписывая полностью имени и отчества, а только инициалы. Солистом в этом дуэте был Абрам, Арон играл вторую скрипку, но струны этой скрипки заставляли таять даже ледяные сердца.

Остановившись на углу Банного переуллка, Абрам огляделся и произнёс: «Пришли». Арон достал луковицу, разрезал её карманным ножом и, поднеся к носу, стал вдыхать луковые пары. Делал он это с таким видом, как будто эта процедура доставляла ему невероятное удовольствие, при этом осматривал исподлобья улицу. Через несколько минут он уже не мог открыть глаз, слёзы застилали их. Обильно высморкавшись, Арон одобрительно кивнул, и братья двинулись дальше.

На втором этаже нашли табличку с надписью: «Гирин Аполлинарий Матвеевич». Дверь открыла горничная.

– Прошу прощения, здесь ли живёт Аполлинарий Матвеевич Гирин? – спросил Абрам, потом осёкся, – извините, вернее, проживал?

– Какое горе, мадам, какое горе, – запричитал заплаканный Арон.

– Что вам угодно, господа?

– Мы бы хотели поговорить с кем-то из близких родственников. Есть ли кто дома? – спросил Абрам.

– Есть, Эмма Христиановна, супруга Аполлинария Матвеевича, – сухо ответила горничная.

– Мы бы хотели с ней пообщаться, передайте ей мою визитную карточку, – и Абрам протянул братскую визитку.

Когда они вошли, Эмма сидела в столовой.

– Здравствуйте, госпожа Гирина, – сказал Абрам.

– Какое горе, мадам, какое горе, – опять запричитал Арон.

Эмма не проронила ни слова, она сидела как вкопанная, только изредка моргая.

– Мы принесли вам прискорбную весть: сегодня пополудни ваш супруг ушёл в мир иной. – Абрам закатил глаза к небу. – Нелепая, незаслуженная смерть для такого человека, на него случайно упал огромный цветочный горшок. Какая неосторожность. Мы принесли вам его шляпу, остальные вещи мы отдадим вам после того, как переоденем усопшего.

– Примите наши соболезнования, – Арон сморкался в платок и всхлипывал.

Эмма взяла шляпу, внимательно разглядела её и положила на стол. Спокойствие её объяснить было просто: по характеру она была в мать, аккуратную и рассудительную уроженку Северной Германии.

– Полиция уполномочила нас заняться процедурой погребения, – продолжал Абрам и, выдержав незначительную паузу, добавил: мы самое лучшее ритуальное бюро в городе.

– Да, мадам, это правда, – добавил Арон и зарыдал.

– А что вы плачете, – вдруг вышла из ступора Эмма, – вы что, знали моего мужа?

– Нет, мадам, – ответил за Арона Абрам, – но нам чужое горе всегда как своё родное, а брат мой весь в нашу маменьку, очень сентиментален.

Арон понял, что с рыданием он немного переборщил, и затих.

– Процесс похорон очень трудоёмок, мы понимаем, как вам сейчас тяжело, и готовы взять на себя все хлопоты, – продолжил Абрам. – Усопший был большим начальником, дворянином, и похороны должны быть соответствующие. На похороны придёт весь свет Петербурга, коллеги по службе, а может быть, и сам господин министр. Мы подготовили список необходимого, достойный человек должен и уйти достойно, – он протянул Эмме список с выведенной в конце

цифрой.

- Уважаемый, как вас там? – широко открыв глаза, спросила она.

- Абрам Натанович, – с лестной улыбкой наклонился к ней Абрам.

- За эти деньги я смогу поставить ему памятник на Малой Садовой, напротив министерства.

- Да, мадам, всё так дорого, так дорого, – вставил свои пять копеек Арон и опять высморкался.

- Но вы обратите внимание, – продолжал Абрам, – могила на Новодевичьем кладбище на двоих.

- А кто ещё умер? – испуганно спросила Эмма.

- А, так это для вас, – встрял Арон.

- Нет, мадам, – стал успокаивать Абрам, – вы неправильно поняли, это как бы на будущее.

- Не надо на будущее, – испуганно ответила Эмма, – я всё оплачу, но могила должна быть для одного.

- Спасибо, – довольно сказал Абрам, – похороны мы назначим на вторник, на 12-е июля, на 10 часов. Сегодня же дадим некролог и объявление с вашим соблезнованием в «Санкт-Петербургские Ведомости». Нам нужен аванс 50 % и парадный мундир вашего супруга.

Эмма позвала горничную.

- Даша, дайте, пожалуйста, господам парадный мундир Аполлинария Матвеевича, а деньги, – обратилась она к братьям, – я завезу вам завтра, с утра.

- Благодарствую, мадам, – растёкся в улыбке Абрам.

– А вы поплачьте, – сделав святое лицо, произнёс Арон, – это так помогает.

Раскланявшись и забрав парадный мундир, господа Лакрицкие удалились.

Ко?да

Аполлинарий Матвеевич вернулся домой около двенадцати, не нарушая пятничных традиций. Состояние его было, как говорят доктора, тяжёлое, но стабильное. Не включая света, он разулся и тихонько направился в кабинет. Проходя через столовую, задел стул. Эмма уже была в постели, но ещё не спала и, услышав движение предметов, подумала: «Дух вернулся, ещё девять дней бродить будет». Потом послышалось дребезжание стекла в дверцах буфета. «Завтра непременно нужно будет завесить все зеркала», – испуганно решила она и укрылась с головой. Гирин прошёл в свой кабинет. Диван был не застелен, как обычно по пятницам, но плед лежал на спинке. «Непорядок», – это последнее, что пришло ему на ум, и упав не раздеваясь, он заснул сном младенца.

Проснулся Аполлинарий Матвеевич в девять часов утра по двум причинам: часы настойчиво отбивали эту цифру и одновременно позвонили в дверь, в это время приносили субботнюю газету. Через несколько минут послышался ещё один звонок, горничная открыла дверь, в голосе её зазвучали весёлые нотки. «Кого это черти принесли в субботнее-то утро?» – подумал Гирин. Дверь закрылась. Ушли. Тишина. Можно было опохмелиться. Он встал, тихонько приоткрыл двери в столовую и увидел горничную, расправлявшую большой букет полевых ромашек у стола. Даша обернулась, тихонько по-девичьи вскрикнула и рухнула в обморок. «Вот те раз, – удивился Гирин, – испугал девку, нельзя так больше, крадучись». Подойдя к столу, он сначала взглянул на горничную, потом на букет и увидел в нём записку. Здесь сработало мужское любопытство. Записка была следующего содержания: «Дорогая моя Эмма, мои экзамены по траектории полёта были ещё в кадетском училище сданы на «отлично». Предмет успешно достиг своей цели, правда, пострадал горшок с геранью, но теперь Вы свободны. Посылаю Вам этот букет и надеюсь на вознаграждение. Буду ждать Вас у себя, как обычно, во второй половине дня. Ваш А.П.». Рядом возле букета лежала утренняя газета, и в глаза ему кинулась чёрная рамка «Жена и дети с чувством

беспредельной скорби извещают родных и знакомых о кончине волею божьей АПОЛЛИНАРИЯ МАТВЕЕВИЧА ГИРИНА. Заупокойная обедня завтра в 9 часов в церкви Святого Димитрия, а погребение на Новодевичьем кладбище во вторник 12-го июля в 10 часов». Вчерашний вечер помнился ему смутно, только отдельными, яркими вспышками: ресторан, официант, вечерняя улица и темнота. Вопросов было много, но больше всего его интересовало одно: «Как оказалась на столе его украденная шляпа?»

Орден и брошь

Все наши чувства, ощущения и всё восприятие окружающего мира сходятся в конечном счёте в одной точке, которую мы называем – душа. Стартовый капитал, генетически заложенный свыше, ставит каждого из нас лишь на первую ступень широкой мраморной лестницы, которая уходит высоко в небо и называется процессом воспитания души. Преодоление каждой ступени этой лестницы требует немало терпения и сил, бессонных ночей и размышлений. Шаг за шагом, поднимаясь выше и выше, мы открываем для себя огромный мир, полный красок и эмоций, он учит принимать решения и преодолевать страх, бороться с невзгодами и переживать отчаяние, питает нас своей энергетикой. Негатив мы аккуратно складываем в чёрные пакеты и оставляем на пройденных ступенях, а вот положительными эмоциями стараемся напитать всё, что нас сопровождает на подъёме, даря частички своей души не только людям, но и окружающим нас предметам.

Если быть достаточно наблюдательным, то можно заметить, что всякая вещь, которую мы делаем своими руками, получаем в дар или попросту приобретаем в магазине, не спешит даваться нам, сопротивляется, что ли, проявляет волю. И эту волю мы стараемся преодолеть, мысленно вступая с ней в контакт, создавая незримое присутствие живой тайны между предметом и человеком. За долгие годы эта вещь пропитывается нашей аурой, становится чем-то бесценным и, несомненно, одушевлённым.

– Не верю! – скажет убеждённый материалист.

– Да? Хорошо. А как же драгоценные камни, за которыми тянется целый шлейф смертей и исковерканных судеб, или известные картины: «Водяные лилии», «Поклонение волхвов», «Плачущий мальчик», закрепившие за собой дурную славу. То, что в этих предметах есть чья-то энергетика, сомнения нет, а значит, есть и частичка чьей-то души. Одна душа похожа на потрёпанную тряпку со сквозными дырами, от неё не жди ничего доброго, другая – на холст из белых чистых ниток, и грязь к ней не липнет. Ведь насколько же велика сила чудотворной иконы, писанной монахами и намоленной веками. Сможете ли вы назвать её «неодушевлённой»?

Добро, несомненно, мудрее и старше зла, а значит, и сильнее, мы храним его в наших оберегах и амулетах, зная, что в трудный час оно обязательно проявит силу. Поэтому ваше «Не верю!» звучит неубедительно.

Ящик №254

Кабинет, из которого её вынесли, чем-то напоминал один из залов дворца, в котором очень давно, ещё в пору далёкой молодости, ей уже приходилось бывать. Тот же длинный коридор с арочными окнами, та же ширина лестничных пролётов, те же люстры, только всё какое-то неживое, холодное. Нет, всё стало намного богаче и краше, но неживое. Раньше здесь витал дух хозяина, семейного очага, сейчас же пахло моющими средствами, имеющими неестественный фруктовый запах, и кошками, единственными постоянными обитателями этих стен. Человек, который бережно нёс её всю дорогу, открыл длинным ключом высокую дверь с надписью: «Хранилище №4». Войдя в комнату, развернул какую-то бумагу и, словно по карте, нашёл нужный ему шкаф. Выдвинув ящик под номером 254, он аккуратно положил туда принесённую вещь. Шаги удалились, хлопнула дверь и наступила тишина.

– Ушёл, ушёл, ушёл, – через какое-то время пронеслось шепотом из соседних шкафов.

– О, как хорошо, – сказал мужской голос справа и громко чихнул, – не до конца задвинули ящик. Хоть немного свежего воздуха и света. И опять эта проклятая пыль. – Было видно, как пылинки проникают в ящик через световую щель.

– Кто здесь? – спросила настороженно принесённая вещь.

– Не переживайте, сударыня, – ответил всё тот же голос, – в этом склепе нас только двое. Разрешите представиться: Императорский Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Моим кавалером был полковник Воинов Юрий Иванович. А Вы, как я понимаю, брошь?

– Да что ты понимаешь! Понимает он... – произнесла она с возмущением. Страх и новая обстановка говорили ей, что лучшее средство защиты – это нападение. – Я женское украшение, каких на свете больше нет. Я никогда ни с кем не делила своих подушечек и шкатулочек! И почему здесь такой сильный запах табака? Ужас! Я что, в ящике для сигар?!

– А Вы ещё та штучка, – обиженно произнёс орден, – послал же бог соседку.

– Соседку? Солдафон! – отрезала брошь.

– Змея, – спокойно парировал орден. Она на самом деле была украшением в виде змеи.

– Что?! – она начала задыхаться от ярости. – Хам!

Орден ничего не ответил. Послышалось шушуканье соседей: «Не приживётся. Сварливая старуха. Обидеть такую почтенную вещь. Нехорошо. Некрасиво. Неправильно».

Женская логика

С тех пор прошли три дня. Днём все обитатели хранилища вели себя тихо, а когда движения во дворце прекращались и за окном зажигались фонари, делились воспоминаниями и впечатлениями из прошлой жизни. Брошь упорно напрягала слух, но слышала только обрывки отдельных фраз, непонятно о чём рассказывающие и неизвестно от кого прилетевшие. Страх уже заменило спокойствие, а желанное одиночество – жажда общения. Освоившись на новом месте, она искала повод для разговора, но после такого начала знакомства найти нужные слова было не так-то просто, и в ящике по-прежнему царила тишина, лишь изредка нарушаемая чихающим по несколько раз кряду соседом. Так, после очередного приступа, брошь решила прервать молчание.

– Лучше бы они закрыли ящик, – с волнением произнесла она, – я уже устала считать пылинки. Они так и норовят сюда залететь. А что ты молчишь? Я испугалась и наговорила каких-то гадостей, в конце концов, я дама, у меня всё зависит от настроения. – В голосе послышались капризные нотки. – Ну хорошо, если это так для тебя важно, извини.

– Типично женская логика, – промолвил орден, – я знаю, что была не права, но виноват в этом ты.

– Да. Я люблю в себе всё, в том числе и свои недостатки. А что здесь плохого? И не надо трогать женскую логику. Скажи, может ли дама за одну ночь прокутить всё своё жалование, или драться стенка на стенку, или сыграть в «русскую рулетку»? Всё это непредсказуемое безрассудство вы, мужчины, называете загадочной русской душой. И если в женской логике есть хоть какая-то логика, то в вашей загадочной душе её вообще нет. А впрочем, мне всё равно, согласен ты со мной или нет.

– Сударыня, если Вам всё равно, то к чему столько эмоций? – сказал спокойно орден. – И почему Вы постоянно обращаетесь ко мне на «ты»?

– Если женщина говорит, что ей всё равно, то как раз это ей и безразлично. Ладно, если хочешь, можешь тоже обращаться ко мне на «ты». Я не против.

– Другого ответа я и не ожидал. – Немного помедлив, орден добавил: Век каждой награды короток, потому что у нас всего один хозяин. Лет десять я красовался на груди, после чего в карманы мундира обильно насыпали табаку и повесили в шкаф. Ненавижу запах табака, его из меня уже никогда не выветрить, а ещё у

меня аллергия на пыль, поэтому и чихаю. Даже не знаю, сможем ли мы с Вами поладить? Как Вы думаете?

– Мне думать вообще вредно, потому что я могу и передумать, – она кокетливо улыбнулась. – Я пошутила. Конечно, поладим. Если есть с кем поговорить, молчание для меня – яд. Тишина порождает дурные мысли. Я же не знаю, о чём ты думаешь. Эти мысли начинают терзать меня, от этого можно и умереть.

– О, сударыня, Вам не страшен ни один яд, судя по Вашему характеру, Вам обеспечено бессмертие. Вы как та звезда, холодная и вечная.

– Да. В нас есть что-то общее. Жаль, что звёзды так далеки. Но порою, когда нам удаётся увидеться, я слышу, как мои камушки переговариваются с ними.

Идиллия

Их диалог, начавшийся с вечера, продлился до самого утра. Словно два вулкана, спавших долгие годы, вдруг проснулись и начали выплёскивать накопившиеся лавы эмоций, мыслей, воспоминаний. Сначала возникло чувство уважения, а позже ещё что-то, более важное и нужное, доселе для них неизведанное. Она уже привыкла к запаху табака, забыла их первую встречу и всё чаще стала беспокоиться о его здоровье. Он, почувствовав прилив сил, рассыпался при каждом удобном случае в комплиментах. Время, безнадежно застывшее, качнуло маятник и стало набирать обороты, с каждым днём ставя всё новые и новые рекорды.

– Вы на самом деле очень красивы и понравились мне сразу. Был бы я помоложе, – мечтательно произнёс орден, – я бы доказал Вам всю чистоту моих намерений, а если бы кто-то встал на моём пути, я бы дрался с ним на дуэли.

– Да, с годами я только хорошею, и ты даже не можешь себе представить, сколько раз из-за меня дрались на дуэли. «Эта брошь многих сведёт с ума», – так сказал мастер, который меня изготовил, разглядывая напоследок. И в первый же день в Ювелирный дом вошёл почтенный господин: «Я бы хотел приобрести это украшение, но таких денег у меня в наличии нет». Он оставил задаток, а оставшуюся сумму пообещал завезти на следующий день, до полудня. Вскоре зашёл ещё один покупатель, офицер средних лет, и тоже пожелал приобрести меня. Ему отказали, но сообщили, что покупатель должен явиться до 12 часов и выкупить украшение. Он дождался почтенного господина и стал его всячески уговаривать предоставить ему возможность приобрести меня, но все попытки были тщетны. И тогда офицер, явно не желавший отступить, произнёс: «Я забыл представиться: Великий князь Сергей Михайлович Романов. Ни в коем случае не хочу злоупотреблять своим положением, но это украшение, – сказал он шепотом, – я приобретаю по просьбе самого Государя императора и, если Вы мне не уступите, я буду вынужден прибегнуть к более решительным мерам».

– А моей первой владелицей была прима-балерина Императорского Мариинского театра. После очередного спектакля она крепила меня к своему вечернему платью и выходила к ожидавшим её гостям. Все с восхищением аплодировали, кавалеры кланялись, а дамы весь вечер не могли оторвать от меня глаз.

– Сударыня, это неувидительно. При виде вас можно потерять голову и наделать много глупостей. А Вы знаете, за меня тоже один раз чуть не подрались.

– Да, – сказал орден, значительно повысив интонацию, – было это в конце сентября 1919-го года. Служил в то время мой Юрий Иванович в армейской разведке под Новороссийском, и был у него денщиком ефрейтор Нефёдов, из донских казаков. Они даже внешне похожи были: оба высокие, с усами, и по возрасту почти одногодки. Знал Нефёдов службу свою отлично, звать лишний раз не приходилось, и на передовой, и в карточных баталиях тенью был своему командиру. Одно плохо: молчун, что ни спросишь: «Так точно, Ваше благородие; будет исполнено, Ваше благородие», – других слов из него и не вытянешь. И тут поручено было Юрию Ивановичу доставить секретный пакет в штаб корпуса. Ехать решено было вдвоём, чтоб не привлекать лишнего внимания. На сборы полчаса, пакет приказано хорошенько спрятать, и Нефёдов зашил его под подкладку кителя. Выехали ближе к вечеру, в дороге ливень застал, темень несусветная. Куда ехать, сам чёрт не разберёт. Увидели огонёк, оказалось: хутор, решили заночевать. Хозяйка – странная бабка, такая услужливая, всё спать укладывала, а дед исчез куда-то. Непокойно стало на душе Юрия

Ивановича, не стал он сапоги снимать, так на лавку и лёг, а китель у печи повесил, просохнуть. Только улеглись, откуда ни возьмись банда налетела. В то время много народу по степям да по лесам шастало. Залетели, скрутили и сразу к стенке под ружьё. Зажгли лучину, вошёл главарь, в красных галифе, бекеша нараспашку, в папаху зелёная лента вшита. Осмотрел комнату, увидел китель возле печи, медленно перевёл взгляд на пленников и, шевеля своими тараканьими усами, спрашивает:

- Чей китель, кто из вас золотопогонник?

Тут Нефёдов и отвечает, мол мой. Юрий Иванович даже дар речи потерял от такой наглости. А главарь так, с ухмылкой:

- Что ж ты крест свой белый без присмотра оставил? Сёмка, хочешь, я тебе крест подарю?

- Враньё это всё, мой это китель и крест мой, - процедил Юрий Иванович.

- Что? - возмутился Нефёдов. - А по зубам не хочешь?

- А ну, цыц здесь, - заорал главарь, - раскудахтались петухи. Сёмка, уведи этих, завтра утром разберёмся. Да посади порознь, одного в погреб, а другого в сарай, чтоб они морды друг другу не расцарапали. И скомандуй там, чтоб на стол накрыли, жрать охота.

А под утро на выручку пришёл целый эскадрон. Отбили. Оказывается, Нефёдов в сарае-то лаз нашёл, сбежал и подмогу привёл. Освободили Юрия Ивановича из погреба, надел он свой китель, который так и висел у печи, и вызвал Нефёдова.

- За то, что подмогу привёл, - говорит, - благодарю за службу. А за цирк вчерашний ответишь по всей строгости.

- Не серчай, Ваше благородие. Не со злого же умыслу. Представил я себе, как перед господином полковником стоять буду и докладывать, что не сберёг Вас. Думаю, уж лучше пусть меня расстреляют, чем такой позор пережить. Ну, а что по зубам дать обещал, так это чтоб поверили.

Успокоился мой Юрий Иванович. Достал из внутреннего кармана часы, самым Деникиным дареные. «Держи, – говорит, – заслужил. Но только за то, что вовремя подмогу привёл».

Вот так Нефёдов и часы с надписью «За Отвагу и Усердие» получил, и жизнь моему хозяину спас.

– А я тоже однажды жизнь спасла, и не одну, а целых шесть. Ты отдохни немного, а я расскажу. Было это в 1940-м году, в Польше. В то время моей хозяйкой была госпожа Подольская, её супруг был владельцем металлургического завода «Людвигув» в Кельце, а с приходом немцев организовал ещё и ремонтные мастерские для тяжелой немецкой техники. Жили супруги в достатке, такие при любой власти свой доход всегда имели. А вот Польша переживала тяжелые времена, почти каждый крупный город имел своё еврейское гетто. Не обошла эта участь и Кельцы. Госпожа Подольская очень сильно события эти переживала, много невинных людей незаслуженно страдали, были среди них не просто знакомые, а и друзья семьи, верные помощники мужа, и она то вещи тёплые, то продукты через охрану передавала. И тут прошёл слух, что скоро всех отправят в концентрационный лагерь, а оттуда надежды на возврат уже не было. Нужно было действовать быстро, и моя госпожа без согласия мужа решила на очень рискованный шаг. Она пошла к самому коменданту города, штурмбаннфюреру СС Кранцу; тот несколько раз обедал у них дома, но всё же визитом нежданной гостьи был удивлён.

– Чем обязан, госпожа Подольская, – спросил Кранц, услужливо пододвигая ей стул. Невысокий рост, острый нос, глаза, близко расположенные к переносице, внешне делали его похожим на лиса, что соответствовало характеру.

– Господин комендант, мой визит носит сугубо личный характер, и супруг о нём не должен знать. Пусть это останется нашей тайной.

– И всё же чем обязан? – спросил Кранц, усаживаясь в своё кресло. Слегка приподнятые кончики его губ напоминали улыбку официанта в ожидании чаевых.

– Я знаю, что Вы большой ценитель искусства, и не только живописи, но и ювелирных украшений. Во время последнего обеда я видела Ваш взгляд, кинутый на мою брошь. По-моему, она произвела на Вас сильное впечатление.

– А Вы наблюдательны, госпожа Подольская, вещь, несомненно, интересная, но не до такой степени, чтобы украсть моё спокойствие.

– Не скажите, господин комендант, это украшение не только шедевр, но и имеет богатое прошлое. К его истории причастен сам русский царь Николай. – И она достала платок, в котором я была аккуратно завернута.

– Всё имеет свою цену, – сказал с ухмылкой Кранц, – Вы же пришли сюда не для того, чтобы ещё раз подразнить меня?

– Нет, ни в коем случае, – развернув платок, она бережно положила меня на стол, – это украшение Ваше.

Он вскочил с места, чтоб рассмотреть меня поближе, и я увидела, как блестят его алчные глаза. От мысли лёгкой наживы на лбу выступили маленькие капельки пота.

– И что Вы хотите взамен? – он поднял довольный взгляд на гостью.

– Мне нужны паспорта и люди, которые находятся у Вас в гетто.

Улыбку тут же сменила лисья гримаса, левая щека нервно дрогнула.

– Это невозможно. Уже готовы списки к отправке.

– Жаль, – кокетливо сказала моя хозяйка, опустив глаза от пронизывающего взгляда и кладя меня обратно в платок, – придётся обратиться к начальнику гетто, говорят, он более сговорчив.

– Не торопите события. – Он положил руку на платок, сжал его вместе со мной и засунул себе в карман. – Я постараюсь Вам помочь. О ком идёт речь? Сколько человек?

– Шесть, – и она достала из сумочки листок, – вот список имён. И паспорта мне нужны такие, чтоб они могли пересечь любую границу, на которой стоят Ваши войска. Я могу на Вас рассчитывать?

Он отошёл к окну и повернулся к ней спиной, чтобы не показывать начавшегося нервного тика, который беспрерывно дёргал щёку.

- Вы же понимаете, насколько опасна Ваша просьба. Зачем Вам это?

- Это не просьба, господин комендант, я бы назвала это выгодной сделкой.

- Приходите завтра, - не поворачиваясь, процедил он сквозь зубы и, чуть помедлив, добавил: за паспортами.

Я не принесла ему счастья, как и многие другие украшения, которые были добыты им нечестным путём. После войны он бежал в южную Америку, прихватив и нас с собой. Там каким-то бандитам попытался продать одно из украшений, а ночью они залезли и перерезали ему горло. Любая вещь, добытая нечестным путём, никогда не приносит ничего хорошего. Как люди не могут этого понять? Мне его не жаль, а вот к госпоже Подольской я бы с удовольствием вернулась ещё раз.

- Да, она сильная женщина, - сказал восторженно орден. - Уверен, что сердце выскакивало у неё из груди, но она выиграла эту битву. А знаете, как бьётся сердце, когда человек летит навстречу смерти? Громче топота копыт. Ни один мускул на лице не дрогнет, шашка в руке как влитая и только сердце бешено отсчитывает секунды до столкновения. Как будто оно вбирает в себя весь страх, душит в своих тисках и не даёт ему вырваться наружу, помогает в трудную минуту. Помню один бой, было это под Харьковом...

И как только брошь заканчивала одну свою историю, орден начинал очередную свою. Они говорили дни и ночи напролёт, им всегда находилось что рассказать друг другу, им было хорошо вдвоём. Прожив столь яркие жизни, накопив массу впечатлений и сохранив своё «Я», они только сейчас поняли, насколько интереснее ощущать себя половинкой местоимения «Мы». Когда тебе есть с кем поделиться своими радостями и горестями, мыслями и воспоминаниями. Когда есть о ком заботиться или просто есть кому пожелать доброго утра.

Экспертиза

Идиллия, которая длится вечность, называется раем, а вот жизнь людей и предметов имеет свой срок и порой зависит от обстоятельств, сопротивляться которым нет никакой возможности. За месяц, что брошь провела в ящике, в хранилище приходили разные люди. Что-то приносили или уносили, мерили температуру помещения, вытирали пыль и даже спали на стульях, но делали всё это тихо, и вдруг пришла шумная компания из трёх человек, которая вызвала у всех предметов неподдельное любопытство.

– Сергей Михайлович, византийские монеты времён императора Юстиниана, 4 штуки. Вот накладная.

– Спасибо, Ниночка, следующее: шкаф номер 7, ящик 254: орден Святого Георгия и золотая брошь в виде змеи.

Ниночка убежала и, найдя нужный шкаф, выдвинула ящик, яркий неоновый свет ослепил его обитателей.

– Боже, как я соскучилась по свету, – сказала с радостью брошь.

– А мне с Вами и в темноте было светло, – парировал комплиментом орден.

Ниночка аккуратно достала из ящика брошь и орден, а также лежащие под ними бумаги, и положила их перед сидящими мужчинами. Сергей Михайлович взял крест и стал пристально рассматривать его через лупу, заглядывал под ленту, тёр мягкими перчатками по эмали. Ордену всё это напоминало медицинскую комиссию. Если ещё месяц назад он с уверенным равнодушием сказал бы: «Доктор, отправьте меня в утиль. Я устал», то после встречи с брошью он воспрял духом, у него опять появился интерес к жизни, и надежда заставляла его бормотать: «Оцените меня по достоинству, я ещё могу быть полезным». Всё это длилось около минуты, после чего Сергей Михайлович начал говорить:

– Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV степени. Колодка, бант и крест подлинные. Эмаль на кресте имеет незначительные трещинки. Цвет эмали немного потемнел от времени. Сколов не наблюдается. Николай, вы успеваете за мной записывать? – спросил он молодого аспиранта, сидящего напротив.

– Да, конечно, – тот поднял глаза, – интересно, кому он мог принадлежать?

– Судя по колодке, одному из героев Первой мировой, – отложив орден в сторону, он развернул вчетверо сложенный лист бумаги и начал читать: «Воинов Юрий Иванович, на 1915-й год подпоручик. При атаке германской позиции у деревни Тартак, 18-го сентября 1915-го года, ворвался во главе своей роты в неприятельский окоп, захватил действующий пулемёт и пленных, которых доставил в штаб своего полка. Участник Гражданской войны, полковник, эмигрировал с бароном Врангелем из Крыма. Умер в Париже в 1967-м году». Человека уже нет, а этот орден будет продолжать нести память о нем через века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tissen_vladimir/mar-ina-ispoved

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)